

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Матвей КУРИЛКИН

БУДНИ ИМПЕРСКОЙ РАЗВЕДКИ

Сделать все, но данный приказ выполнить!

Annotation

Приятно, когда твои заслуги ценят на новой родине, но почивать на лаврах не удастся. Главное правило руководителя — если кто-то хорошо справляется со своей работой, ему нужно дать еще больше работы. А уж если твой непосредственный руководитель — сам император, легкой жизни ждать глупо.

Сарх и его коллеги теперь не работают в страже — они выполняют деликатные задания по воле императора. Ответственности все больше, задачи сложнее, и кому какое дело до того, что сид Сарх не представляет, как можно выполнить данный приказ... Других специалистов в империи нет, и, значит, он и его товарищи должны хоть наизнанку вывернуться, но сделать то, что от них требуется.

Матвей Курилкин

Будни имперской разведки

© Матвей Курилкин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

— Ножовку подай, — услышал я, как только спустился в морг. Не удивившись такому приветствию, я начал осматривать столы в поисках инструмента. Но оказалось, что Свенсон обращался не ко мне. Труп какого-то бродяги, над которым колдовал тролль, только что совершенно неподвижный, протянул руку к соседнему столу и схватил жутковатого вида пилу. Тролль кивнул сам себе и принялся флегматично распиливать пациенту грудную клетку.

— Давно не виделись, Сарх, — не отвлекаясь от своего занятия, поприветствовал меня патологоанатом. — А я вот тут тренируюсь...

— Вижу. А чего он у тебя «немертвый»?

— Так без ассистента плохо. А так я его разупокоил, и он мне сам помогает. Удобно.

— А не больно ему?

— Ну что ты, он же мертвый... — Тролль пожал плечами, как бы удивляясь, как такая нелепая мысль могла прийти мне в голову, и вытащил из пациента какой-то орган. Сердце, наверное.

— Ты как, долго еще тренироваться будешь? Нам тут помощь нужна твоя.

Тролль снова пожал плечами:

— Могу и прерваться, время терпит. Что-то серьезное?

— Да нет, как всегда, рутина. Одна юная дама обратилась. Муж у нее преставился. Ростовщик Рош с Топорной улицы, может, слышал? Вредный старик, говорят, и сбережения свои неизвестно где прятал. Эти сбережения и ищем теперь.

— А в ритуальное агентство почему не обратилась?

— Да тут не очень понятно. Она, похоже, обращалась, но старикан отказался о своих сокровищах говорить. Он, видишь ли, считает, что она ему при жизни изменяла и потому наследства не заслуживает. На мой взгляд — хоть бы и так. Он у бедной девчонки, когда на ней женился, согласия не спрашивал. Фактически у родных за долги выкупил.

Тролль неодобрительно покачал головой. Рабство в империи запрещено, но такие истории все равно случаются.

— Ладно, сейчас. На Топорной улице, говоришь? — Тролль повернулся лицом туда, где, по его представлениям, находилась эта улица, и заорал:

— Рош! Одень плащ с капюшоном и дуй сюда! Немедленно!

А потом уже мне:

— У них там найдется такой? А то еще народ напугает.

Я заверил, что найдется, и, распрощавшись с некромантом, отправился в контору. Было мне немного не по себе после такой демонстрации силы — не каждый день можно увидеть, как некромант поднимает мертвеца, находясь на другом конце города.

На службе в страже наша веселая компания больше не состоит. После того случая с разговором мы втроем уволились со службы. Вместе с нами ушел Свенсон. Мы организовали частное сыскное агентство — помогаем жителям столицы, да и не только столицы в раскрытии разных загадок, с которыми в стражу по каким-то причинам обратиться нельзя или бессмысленно. Случается, работаем параллельно с бывшими коллегами. В общем, недостатка в заказах мы не испытываем, да и в деньгах ничего не потеряли, скорее даже наоборот. Обращаются к нам охотно, и в этом немалую роль сыграл ореол таинственности,

который сложился вокруг нашей компании. Горожане с удовольствием пересказывают друг другу жуткие истории о наших похождениях, особенно сильно всех интересуют причины, по которым мы ушли с государственной службы. И конечно, про наше участие в раскрытии заговора тоже говорят немало. Обывателям нравится находить в последнем причину нашего ухода. Кто-то говорит, что из стражи нас уволили за то, что не побоялись выступить против целой компании богатых и влиятельных эльфов. Другие возражают, что мы действовали в интересах императора и дело совсем не в этом. В общем, версий довольно много. Среди бывших коллег и других более-менее осведомленных разумных ходят слухи, что на самом деле нас никто не увольнял, мы сами уволились от обиды за то, что нашу компанию использовали втемную. И все эти предположения весьма далеки от истины. Со службы мы действительно уволились — но только для конспирации. Дело в том, что император наконец решил создать такое важное государственное учреждение, как тайная стража. И посчитал наши кандидатуры подходящими для того, чтобы наша команда стала ядром будущей организации.

В то время, когда я еще не был жителем империи и скитался в качестве наемника по человеческим государствам, мне не раз приходилось слышать о деятельности аналогичных организаций, а один раз даже почти пришлось столкнуться (чтобы «почти пришлось» не превратилось в просто «пришлось», я и перебрался в империю). Да и в родном дольмене было что-то подобное. А вот в огромной империи, граничащей исключительно с враждебными государствами, до сих пор такого полезного органа не было — просто не возникало необходимости. Да и что сказать — контактов с внешним миром у империи почти не было, а те, что были, носили случайный характер. Со шпионами ранее как-то справлялись силами столичной стражи, каковая и выполняла до сих пор функции контрразведки. И как выяснилось, недостаточно эффективно.

Добросовестно выполняя немудреные заказы горожан, наше сыскное агентство не забывало о своей основной задаче. Поиском причин возникновения заговора против императорской власти мы занимались в свободное от работы время. Впрочем, на след, ведущий к истинным организаторам заговора, мы вышли во время расследования, проводимого общеизвестной ипостасью организации — сыскным агентством.

Под резиденцию, или, как сейчас модно говорить, штаб квартиру конторы, мои напарники дружно отвели мой же, еще толком не обжитый дом. Точнее, весь первый этаж. Ну и подвал... Естественно, его переоборудовали под морг. Я сопротивлялся только для виду — выяснилось, что с тех пор, как сбежал из дольмена, я совершенно отвык жить на широкую ногу, так что не очень большой, по меркам аристократии сидов, дом оказался для меня слишком велик. Я просто не знал, что мне делать с целыми пятью комнатами, три из которых находились на втором этаже. Когда восторг от обладания собственным жилищем немного поулегся, я заметил, что более-менее жилыми выглядят только два помещения — новомодная ванная с водопроводом, ну и спальня, конечно. Остальное пространство стало постепенно принимать запущенный, неопрятный вид — дело могло кончиться тем, что собственный дом стал бы мне неприятен. Зато теперь в нем постоянно кто-то находился, случалось даже, что мои коллеги, стремясь избежать домашних забот, оставались ночевать под каким-нибудь благовидным предлогом.

А вот клиентов поначалу не было совсем. Посетители иногда случались — нередко кто-нибудь из горожан заходил для того, чтобы осведомиться, какие именно услуги оказывает наше агентство, или просто поглазеть на существ, о которых по городу ходило столько

слухов.

Мы, конечно, не рассчитывали, что наша нетипичная контора будет сразу же пользоваться популярностью, но ожидание уже начало нас утомлять. И все-таки эта усталая женщина не стала нашей первой клиенткой — к тому времени, как она деликатно отворила дверь, мы уже вели пару незначительных дел, наподобие розыска взбунтовавшегося и ушедшего из дому отпрыска. Тем не менее, Ханыга, который в тот день оставался на дежурстве, давая нам с шефом возможность заняться выполнением заказа, сразу почувствовал, что дело интересное:

— Пожалуйста, проходите, — мягко подбодрил он вошедшую даму. — Чем я могу вам помочь?

Женщина аккуратно присела на кресло для посетителей и неуверенно начала:

— Здравствуйте, господин Ханыга. Я не совсем уверена, что мое дело вас заинтересует. К тому же я не знаю, смогу ли оплатить услуги вашего агентства. Но в стражу я уже обращалась, и они не стали меня слушать.

— Ну, вы, по крайней мере, можете быть уверены, что здесь вас выслушают. Мы сейчас не слишком загружены работой, — резонно заметил гоблин. — И по той же причине можете не беспокоиться об оплате наших услуг — об их рекламе мы сейчас беспокоимся больше, чем о достойном вознаграждении. Что у вас стряслось?

В последнее время мы с шефом все чаще поручаем гоблину работу с клиентами; у него располагающая внешность, к тому же он иногда бывает чересчур обходителен — посетителям это льстит.

Женщина вздохнула, явно собираясь с духом, а потом начала рассказ:

— Около года назад у меня умер муж. Это большое горе, мы прожили вместе пятнадцать лет. Это случилось очень неожиданно — понимаете, он работал плотником, а это не самая опасная работа. Он неплохо зарабатывал, так что у нас всегда было достаточно денег, и, если бы он почувствовал недомогание, мы всегда могли обратиться к знахарям. Но он был совершенно здоров, мой Торк, и у него не было недоброжелателей, которые могли бы наслать на него порчу. Для всей семьи это стало большим ударом. Дети... Я очень любила Торка, но у нас четверо детей, так что мне пришлось взять себя в руки и не обращать внимания на свое горе.

Женщина снова замолчала, на этот раз надолго — видимо, ей было трудно продолжать.

— Несколько раз соседи говорили мне, что видели моего Торка. Ну, в смысле, уже после того, как он умер. Кто-то встретил его, выходя из булочной или просто на улице. Такие, мимолетные встречи, на которые обращаешь внимание только после того, как осознаешь, что в них необычного. Я не обращала внимания на эти разговоры, мало ли, что кому может примерещиться. Но недавно... Недавно я и сама его увидела, это был мой Торк, я не могла ошибиться. Я устроилась работать прачкой в семье одних почтенных эльфов... и, когда несла белье, в общем, он шел мне навстречу. Я окликнула его, но он прошел мимо, как будто не заметил, а потом я бежала за ним, но все никак не могла догнать. Понимаете, я уже не знаю, верить ли собственному рассудку, но это действительно был Торк, и это было днем, так что это не мог быть мертвый в теле моего мужа, и я знаю, что это не может быть он, ведь сама видела, как он умер...

Посетительница подняла на Ханыгу глаза, в которых плескалось целое море тоски и недоумения. Гоблин встал, достал из буфета крепкого вина, налил в бокал и проследил, чтобы она его выпила:

— Вы правильно сделали, что пришли сюда, леди. Может быть, вам действительно показалось, но, вероятно, это не так. Мы обязательно займемся поисками вашего мужа. А теперь прошу вас, расскажите мне все еще раз, но со всеми подробностями.

Расследованием этого случая мы занялись немедленно, временно прекратив заниматься остальными делами. Простые горожане искренне верят, что мертвые могут просыпаться только по ночам, и никто из тех, кто знает, что это неправда, не стремится их разубедить. Тем не менее, бывают случаи, когда неупокоенные вполне комфортно чувствуют себя при свете дня. Только для этого нужно очень много крови, очень много боли и покровительство темных богов. В империи такие ритуалы запрещены — еще и потому, что те, кто является их объектом, на неопределенный срок лишаются нормального посмертия. Бывшим владельцам тел простых зомби, в общем-то, все равно, чем занимается их тело — к ним оно уже не имеет никакого отношения. Личи, напротив, чувствуют себя почти так же, как при жизни — разве что для них становится губителен солнечный свет. Души той разновидности немертвых, которая получается в результате упомянутых ритуалов, остаются привязаны к телу и при этом испытывают невероятные страдания. Покойный бедолага полностью покорен и предан магу, проводшему ритуал. Его нельзя отличить от живого ни невооруженным взглядом — сохраняется видимость жизни, сердце бьется, легкие перекачивают воздух, зрачки реагируют на свет, ни по поведению, ни даже магическими средствами — если, конечно, не знать, чего ищешь. В общем, поднятие такого немертвого — очень серьезное преступление само по себе, к тому же такое обычно не делают просто для развлечения. Со стороны стражи было очень непрофессионально проморгать такое дело. Впрочем, откуда бы им вообще знать о возможности такого преступления? Это мы — от долгого общения со Свенсоном — неплохо поднатрели во всех этих магических делах, а обычный стражник в такую гадость свой нос не сует без крайней необходимости — у них и так работы много.

На поиски несчастного господина Торка мы потратили целый месяц. И можно с уверенностью утверждать, что никакого толку от наших поисков не было бы. Мы, конечно, опросили всех, кто, по словам обратившейся к нам женщины видел плотника после смерти, но это ничем не помогло. Видели его в самых разных концах столицы, вычислить, куда и откуда он приходил, возможным не представлялось.

Через три недели поисков мы выяснили, что покойного чаще всего видели в тех районах, где находятся городские поместья некоторых влиятельных эльфов. Некоторые из них оказались замешаны в заговоре, в раскрытии которого мы поучаствовали прошлой весной. Вывод напрашивался сам собой. Я не присутствовал на допросах главарей заговора, когда он был раскрыт, — таких важных птиц допрашивал лично император, и простому стражнику не полагалось при этом присутствовать. А главное, мне тогда было совсем не до этого — я сосредоточенно страдал. Что поделаешь, мне не везет с женщинами, потеря своей несбывшейся любви надолго выбила меня из колеи. Тем не менее, я знал, что инициаторов заговора, тех, кто руководил им, оставаясь незамеченным, так и не нашли. Влиятельные эльфы, которые искренне считали, что идея свергнуть императора и сменить политический строй в империи — это продукт их собственной фантазии, отправились на каторгу, так и не выдав главных виновников. Надо полагать, потому что сами о них ничего не знали. Сведения о неизвестном, который помогал с финансированием и некоторыми магическими разработками, были переданы страже, но толку от этого не было никакого.

В общем, нам не нужно было повторять дважды, чтобы мы усмотрели связь в появлении

неуловимого покойника в эльфийских поместьях.

Нам невероятно повезло — у неизвестного противника не выдержали нервы, и он совершил ошибку. А может, мы, сами того не ведая, подобрались к нему слишком близко — так или иначе, нам этого уже не узнать.

В тот день шеф с Ханьгой допоздна задержались в конторе — то есть попросту бросили своих жен для того, чтобы всем коллективом провести время за кувшинчиком пива и заодно в очередной раз обсудить уже набившую оскомину проблему. Свенсона, как всегда, не было — после заката он стремится домой. Крысодлак невозмутимо сидел у меня на коленях, время от времени приподнимая хищную морду над столом, чтобы стащить с тарелки что-нибудь вкусненькое. Не знаю, как он питался до того, как решил обосноваться у меня, но повадки у зверя откровенно вороватые. Мало ему того, что он имеет постоянный доступ в погреб с продуктами. Легкие пути хитрецу, должно быть, неинтересны. Куда интереснее изобразить из себя любящего питомца, с наслаждением просиживающего колени хозяину, а самому незаметно таскать пищу прямо из-под носа этого наивного лопуха. Я, конечно, давно разгадал мотивы зверя, но игру поддерживал — он и так в последнее время слегка заскучал на всем готовом. Мелких грызунов в округе уже не осталось, самые злобные бродячие псы не приближаются к дому и на километр, а домашних питомцев крыс не трогает, как я понимаю, только потому, что это неспортивно. Но сегодня ему было суждено хорошенько развлечься.

Второй кувшин пива медленно подходил к концу, как и наши посиделки, когда задремавший от переедания зверь неожиданно встрепенулся и скатился у меня с колен, с грохотом, которого трудно ожидать от животного не слишком больших размеров, свалившись на пол. На полу возле моих ног он задержался недолго — что-то прошипев, бросился в сторону погреба, где и исчез. Несколько дней назад я вырезал для него в дверце небольшое оконце — надоело просыпаться по утрам от ругани шефа, который в очередной раз свалился в услужливо открытый для удобства животного проход. Через секунду крыс снова выглянул из подвала и гневно зашипел. Я уже достаточно долго живу с этим пакостником, чтобы проблем с пониманием не возникло — зверь возмущался тем фактом, что за ним до сих пор никто не последовал.

— Чего это твоя змеюка мохнатая, окончательно с катушек съехала? — удивленно спросил шеф, не питавший теплых чувств к моему хвостатому спутнику.

Я не ответил, вместо этого поднялся и пошел в направлении погреба. Странно, конечно — крысодлак шипит так тревожно, будто там, под землей, что-то страшное. Но если бы присутствовала какая-то опасность, спиной к ней оставаться зверь не стал бы — точно... Загадка разрешилась через пару шагов — и очень неприятным образом. В кухонное окно я увидел оранжевые отблески, да и дымком потянуло. Крысодлак, ясное дело, боялся не того, что в подвале, он туда прятаться побежал, от огня.

— Парни, у нас действительно проблема, — начал я просвещать еще не вошедших в ситуацию товарищей. — Вооружаемся, и давайте думать, что нам делать. Нас спалить хотят.

А если решим сбежать, то, надо думать, перестреляют из луков или арбалетов. Так что вооружаться смысла, в общем-то, нет. И все равно с оружием я чувствую себя гораздо увереннее, потому не стал отказывать себе в этой слабости — бегом поднялся на второй этаж, в спальню, где и вооружился. Коллеги не заставили себя долго ждать, их сапоги загрохотали у меня за спиной, когда я еще только поднимался по лестнице. Я не параноик, к сожалению, и в спальне арсенал не храню. Но вооружить колюще-режущим оружием двух коллег проблемы не составило. Стрелковым они и так обеспечены — привычка повсюду

носить с собой мощный, но компактный арбалет еще не успела нас покинуть, несмотря на то, что в страже мы больше не работаем и штатного вооружения нам, по идее, не положено.

— Что будем делать? — поинтересовался Ханыга, деловито застегивая пояс с короткой саблей.

— Можем рвануть из окон, откатиться, а потом напасть на тех, кто так глупо шутит, — это шеф в очередной раз решил изобразить из себя идиота. Я давно заметил, если у него идей нет, то он дураком прикидывается.

— Ага, может, лучше сами здесь зарежемся? Я предлагаю вступить в переговоры. — Это уже я.

— Ну, вот ты и вступиай, — решил шеф. — Отвлеки их. А мы пока что-нибудь придумаем.

Не думаю, что мне удалось отвлечь нападавших. Как-то не были они настроены на конструктивные переговоры. Поначалу все шло неплохо. Я, так и оставаясь на втором этаже, выглянул в окно. Ничего не произошло. Мельком глянул вниз — так и есть, горит не только дверь (была у меня скромная надежда, что это кто-то просто похулиганил) — полыхал весь дом по периметру. То есть пока еще не сам дом, а нечто горючее, чем был заблаговременно облит фундамент. Из окон первого этажа выскочить можно, но ожогов избежать будет трудно. Оценив обстановку, я решил перейти ко второму этапу своего незамысловатого плана — заорал как можно громче:

— Эй, уважаемые! По какому поводу иллюминация? — И быстро убрал свою физиономию из оконного проема. Вовремя — в раму воткнулась стрела.

— Зачем сразу стрелять?! — возмутился я. — Может, хоть скажете, чем я вам не угодил?

Еще одна стрела, на этот раз горящая, появилась в раме, и одна, пролетев в комнату, испортила мою любимую гитару.

— Ну, это уже совсем наглость! — взбесился я. — Прекратите портить мое имущество!

Я уже совсем было решился тушить пострадавшую гитару, как с первого этажа раздался просто ужасный грохот. Это что за новая напасть? Они и таран с собой прихватили?

Оказалось, нет. Выглянув из спальни, я заметил отсутствие внизу, во-первых, массивного дубового стола, за которым недавно мы уничтожали пиво, во-вторых — входной двери и части стены, ее окружавшей. «Изыщная» идея, как раз в духе шефа. У него, похоже, слабость использовать мебель в качестве осадной башни... Однако теперь необходимость в моих жалких попытках вести переговоры явно отпала. Вряд ли такая безделица сможет отвлечь кого бы то ни было от представления, устроенного моими коллегами. Зато, возможно, теперь не обратят внимания на мои действия. Я схватил полыхающую гитару и быстро ее потушил. Вряд ли на ней еще кто-то сможет играть, но послужить она еще сможет. Перешел в соседнюю комнату и примерился к окну. Сзади послышался топоток. Это крысодлак, похоже, переборол свой ужас перед огнем и поспешил присоединиться ко мне. Против обыкновения он не стал забираться на меня, а через резонаторное отверстие проскочил внутрь гитары.

— Эй, мелкий, ты думаешь, это хорошая идея? Я ею сейчас размахивать стану.

Крыс промолчал. Ладно, некогда. Я предупредил. Тратить время на открывание окна я не стал, просто многострадальной гитарой вместе со всем ее содержимым высадил окно и головой вперед нырнул в освободившийся проем.

Прыжки с высоты — не тот вид спорта, в котором сиды могут претендовать на лидерство. Тем не менее, я справился. Перекатился, вскочил на ноги, отмахнулся инструментом, который чудом не выпустил из рук, от очередной стрелы и, петляя, побежал в

сторону соседского сада. За ревом разгорающегося пламени я не слышал, что происходит на другой стороне дома, но надеялся, что шеф с Ханьгой еще живы. Было бы неплохо добратся дотуда и помочь коллегам — я надеялся, что мои товарищи навели там достаточно шороху, чтобы большая часть нападавших стянулась к ним. Явно не все, ведь кто-то же стрелял в меня... Я, петляя, побежал туда, откуда, по моему мнению, летели стрелы. Не ошибся. Стрелы летели именно оттуда. Еще две воткнулись в останки многострадальной гитары (предупреждал же крыса!), еще сколько-то просвистело мимо. Вот они, трое, в кустах. Не эльфы, кажется. Оно и не удивительно, если бы стреляли эльфы, гитара бы меня не спасла. Гитара наконец окончательно прекратила свое существование — я разбил ее о голову первого из стрелков, попавшихся мне на пути. Он так страшно закричал, что я даже удивился. Краем глаза, уже двигаясь к следующему бандиту, увидел на лице обиженного что-то серое. Понятно, крысодлака все-таки не задело. Выдергиваю из кобуры уже взведенный арбалет и стреляю следующему противнику в лицо. Последнего убиваю мечом. Кажется, все. Остальные с другой стороны от дома. Осторожно, стараясь не выходить на открытое пространство, обхожу дом. Там уже тихо — шеф с Ханьгой сами справились. Я направился туда, откуда были слышны приглушенные ругательства.

— Шеф, вы кого-нибудь в живых оставили? А то я как-то не подумал...

— Я и не надеялся, что ты подумаешь. Тебе это не свойственно, — послышалось из-за кустов. — Привыкли, что начальство думает, а мне страдать!

Я пошел на голос, и первое, что увидел, была огромная зеленоватая задница, почти неразличимая на фоне кустов. Я так опешил, что не нашел ничего лучше, чем спросить:

— Эм-м-м... Я вам не помешал?

— Боги великие, он еще издевается! — возмутился шеф. — Иди сюда быстро и свяжи этого дебила, пока я тебя не убил. А тебя, зеленый, уже ничего не спасет, не надейся! — Это уже Ханьге, который обнаружился возле шефа. Он перевязывал ему глубокую рану, как раз на поразившей меня своей неуместностью части тела орка. Ну, не совсем на ней, все-таки пострадала, скорее, нога... Но это не важно. У ног моих коллег лежало бесчувственное тело одного из нападавших — на этот раз действительно эльфа. Пока я связывал тому руки и ноги, шеф объяснил причину недовольства гоблином. Оказывается, в запале, тот чуть не убил последнего оставшегося в живых нападавшего, и нашему начальнику пришлось прикрыть его своим телом. Душераздирающая история!

К счастью, дом удалось спасти. Боевой маг из башни стражи подоспел почти вовремя, хотя без косметического ремонта теперь не обойтись. Когда я только устроился на работу в страже, я был очень удивлен, что тушением пожаров занимается целый боевой маг — и только потом до меня дошло, что один боевой маг с легкостью заменяет целую бригаду не обученных колдовству пожарных.

Пленник наш был немедленно отправлен в подвал, а в это время Ханьга уже будил Свенсона. Не хотелось бы упустить чудом появившуюся ниточку, ведущую к заговору, из-за какой-нибудь досадной случайности. К счастью, тролль не подвел и связанный тип не оказался пустышкой. Мы наконец получили кое-какие сведения, касающиеся заговора. Не так много, как хотелось бы, но все-таки уже кое-что.

В среде высокородных уже не одно столетие ходили разговоры о том, что их положение в обществе не соответствует их реальной ценности, по той причине, что это самое общество недостаточно высоко ценит истинный вклад этой нации в становление и процветание империи. Разговоры эти должны были только разговорами и остаться, главным образом по

той простой причине, что такие мысли — общее свойство всех эльфов, не важно — по ту сторону границы они живут или по эту.

И взвешенная политика императора здесь сыграла не последнюю роль. Не знаю, возможно, какой-то комплекс неполноценности у этой расы или просто нравится им так — главное, что, по большому счету, всех все устраивало. По крайней мере простых обывателей. У глав семей амбиций часто еще больше, и на этом сыграли те, кому покоя не дает благополучие империи. На этот раз высокородным помогали не только финансово, появились кое-какие новые магические и научные технологии, которые могли помочь в перевороте. Мы имели возможность их оценить, благо теперь ими занимаются имперские маги и ученые. Кому конкретно пришла в голову неоригинальная идея вторгнуться в империю, выяснить так и не удалось — нападавший был мелкой сошкой, но впечатление создалось такое, что чуть ли не все человеческие государства сейчас охвачены одним стремлением — разрушить империю. Насколько я понял, это как-то связано с каким-то новым религиозным веянием, которое охватило сразу несколько королевств.

Самое неприятное, что отряд нападавших, как выяснилось, целиком состоял из иммигрантов последней волны — тех, что появились в империи уже после меня. Как им удалось пройти проверку в Миграционной службе, не вызвав подозрений, еще предстояло выяснить. К тому моменту, как Свенсон отправил покойного нападавшего в морг, нам уже было ясно, что делать. Прежде всего, стоило наведаться в Миграционную службу. И, конечно, доложить о результатах расследования императору. А главное — необходимо было немедленно заняться приведением в порядок моего многострадального дома!

Дел предстояло много, и переделать их нужно было быстро, а разделяться не хотелось. Император предпочитает выслушивать доклады от всей нашей компании целиком — видимо, не хочет упустить каких-то важных подробностей. В Миграционную службу я один не пойду ни за что — после того, как я провел там несколько месяцев, практически на положении арестанта, да еще с неясными перспективами, у меня образовалась фобия. Без меня, однако, шеф идти тоже отказался:

— Ты эту кухню изнутри неплохо изучил. Хочу, чтобы присмотрелся к ним тоже. Мало ли...

Зачем присматриваться, я так и не понял — вредный начальник отказался пояснить. Но утром я отправился в контору, занимающуюся ремонтом. Приемные часы, что у императора, что в Миграционной службе, начинаются гораздо позже, чем открываются конторы, предоставляющие различные услуги населению. Правильно — вряд ли госучреждения боятся потерять прибыль. И к гномам я отправился в одиночестве.

Всегда любил этот народ за основательность, уверенность в себе и своеобразное чувство юмора. Место дислокации бригады строителей и ремонтников называлось вполне традиционно — «Контора по ремонту», и находилось это чудо, к счастью, совсем недалеко от моего пострадавшего жилища. На стук, правда, никто не ответил, но я не стал стесняться — вошел сам. Меня там уже знают — именно эти господа проводили мне водопровод, когда я купил дом. За столом в приемной сидел уже знакомый мне «секретарь», кстати, неплохо бы и нам такого завести, все уважающие себя организации такого держат. Вот только кто согласится к нам пойти, особенно после вчерашнего происшествия!

— Старшой, тут этот псих пришел, который водопровод в частный дом заказал! — услышал я еще до того, как успел поздороваться. Дело в том, что водопровод — недавнее изобретение гномов, в империи оно еще не стало массовым. Соответственно довольно

дорогое. Дорогая установка, дорогое обслуживание, а, главное, очень высокая ежемесячная плата за обслуживание. Я отдаю каждый месяц около половины своих немаленьких заработков и не жалею. Шеф, правда, не раз порывался подать прошение императору, чтобы водопровод оплачивался из казны. Все-таки мы, хоть и не официально, работаем на государство. Однако я неуклонно отказывался — мне нравится думать, что наше сыскное агентство находится у меня дома, а так получится, что это я живу в сыском агентстве... Водопровод устанавливают во дворцах, общинных домах кланов, ну и, может быть, в некоторых государственных учреждениях, где он очень полезен. Больницы там, тюрьмы, бани. Но не все, пока далеко не везде. Вот я и не смог устоять перед соблазном — у нас, в дольмене, нечто подобное имелось, и мне в свое время было трудно привыкнуть к отсутствию этих удобств. Впрочем, думаю, скоро это новшество станет популярнее, и цена постепенно снизится.

— Ага! А вот не хрен было его проводить, тебя сразу предупреждали! Сразу говорю — в долг обслуживаем только месяц, и то, только потому, что убогим принято помогать. Через месяц не заплатишь — отключаем без разговоров!

— Уважаемый, я не затем пришел, — быстро заговорил я, надеясь прервать поток оскорблений. — Плату за водопровод я исправно внесу в положенное время, очень доволен вашими услугами и претензий никаких не имею. А зашел я потому, что мне снова требуются ваши услуги.

Почтенный строитель недоуменно замолчал. Он явно был сбит с толку, хотя подобный разговор у нас случается каждый раз, как я сюда прихожу — не важно, с какой целью. Но он быстро справился с собой.

— Хм. Ладно, тогда я к вашим услугам. Что на этот раз? Желаете покрыть дом позолотой? Или чего мелочиться, давайте стены из золотых кирпичей выложим!

— Нет уважаемый мастер, я всего лишь хотел бы восстановить статус-кво. Дело в том, что вчера у меня случился пожар, и дому требуется небольшой ремонт. Восстановить стены, вставить стекла в окна. Отремонтировать входную дверь...

— Это что ж у вас случилось-то? Неужто штурмовали?

— Именно, мастер. Что поделаешь, издержки профессии...

— И охота же было такую профессию выбирать! То ли дело я — строитель, созидатель, можно сказать. Мирное занятие, приносящее пользу обществу. И денежку неплохую с этого имею.

— Вы правы, мастер, только не всем близок мирный труд. Кому-то нравится чужое отбирать. Вот и приходится с такими бороться. Да и руки у меня под другое заточены, такого совершенства, как вы, мне все равно не создать.

— И то сказать, так, как мы, никто работать не сможет, не всем повезло гномом родиться.

Ни тактом, ни скромностью гномы тоже не страдают. Зато я получил скидку — не только потому, что являюсь постоянным клиентом, но и за то, что вежливо выслушал самовосхваления почтенного строителя — не всякому клиенту хватает терпения. Чаще всего из «Канторы по ремонту» выскакивают с воплями и проклятиями. Через несколько часов, успокоившись, возвращаются, начинается ожесточенная торговля, полная взаимных оскорблений, и цена, в результате, все равно кусается.

Следующим пунктом в повестке дня было посещение императорского дворца. Для нас обычно у императора всегда находится время, но на этот раз пришлось подождать — ничего странного, посетители у нашего монарха случаются не так уж редко. Необычным было состояние секретаря. Он сидел как на иголках и явно с тревогой прислушивался к звукам, доносящимся из кабинета. Сколько знаю этого почтенного эльфа, он никогда не демонстрировал никаких эмоций — максимум, легкая ободряющая улыбка в первое мое посещение императора. Очень уж неуверенный у меня был вид. У эльфов не принято демонстрировать свои чувства, так что на этот раз явно происходило что-то из ряда вон выходящее. Я даже проникся сочувствием к этому симпатичному, немного чопорному господину. При всем моем предвзятом отношении к эльфам, этого старика я искренне уважаю. Шеф, кажется, тоже обратил внимание на взвинченное состояние госслужащего:

— Что с вами сегодня, Оттиль? Такое ощущение, что сиденье вашего стула неожиданно покрылось иглами! — как всегда, не слишком заботясь о такте, поинтересовался шеф.

— Ох, не обращайтесь внимания, господин Огрунхай. Семейные проблемы, никуда от них не деться, — грустно улыбнулся пожилой эльф. — Вот вы еще молодой, а посмотрим, как вы будете сохранять спокойствие, когда у ваших деток переходный возраст начнется.

— Что это вы, Оттиль, у вас же внуки уже! Какой переходный возраст?

— Да вот как раз у внуки он и есть, — еще печальнее улыбнулся эльф.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и из нее стремительно вылетела девушка. Хорошо, что в этот момент она смотрела на несчастного Оттиля — наши с коллегами дружно упертые в пол нижние челюсти могли сильно испортить имидж первого в столице сыскного агентства.

Девушка резко остановилась перед столом секретаря, прошипела: «Ну, дедушка, мы еще поговорим» — и, сверкнув на нас фиолетовыми глазами, выскочила из приемной. Челюсти наши, кстати, так и не вернулись на место.

— Эээ... — проблеял Ханыга, первым вспомнив, как нужно дышать. — Я, конечно, слышал о таком...

— Но ни в жисть бы не поверил! — закончил за него шеф.

— Это моя внучка, господа, — тяжело вздохнув, закончил Оттиль.

На фоне впечатлений, полученных в приемной, доклад императору прошел как-то незаметно. Он согласился с тем, что вдове плотника, с которой началось все это дело, нужно назначить пенсию, одобрил наши планы посетить Миграционную службу, обещал оплатить ремонт дома — он пострадал в процессе расследования дела государственной важности, и обещал рассмотреть нашу просьбу подыскать нам надежного секретаря. Глаза его при этом как-то странно блеснули, но мы в тот момент были слишком шокированы, чтобы обратить на это внимание.

— Я правильно понял, что эта барышня — не эльф? — задал я мучивший меня в течение всей аудиенции вопрос сразу, как только мы покинули стены дворца.

— Именно, лейтенант! — шеф был так взбудоражен, что неосторожно обратился ко мне по званию, которое, по идее, в целях конспирации называть не должен был. — Орчанка, ведь правда, зеленый?

— Похоже на то, начальник, — с готовностью отозвался Ханыга. — Все, как в

описании: уши острые, кожа смуглая, но не зеленая, глаза фиолетовые, волосы черные, тип лица — степной. Скулы ярко выраженные, внешний край глаз удлиннен, клыки верхние и нижние, слабо выраженные, сложение эльфийское. На руках вместо ногтей — когти, как у орков, и, похоже, способности и с той и с другой стороны. Вот уж не подумал бы, что у Оттиля сын...

— Так, коллеги, подождите! — я не выдержал. — Вы что, хотите сказать, что это не представительница расы, которой я не знаю, а... полукровка?

— Ага, — лаконично ответил шеф. — Что, не слышал, что такое бывает?

— Где бы я мог это слышать?! Но я думал, мы это, не скрещиваемся. Это же только говорится — расы, а на самом деле — разные виды!

— Из любого правила бывают исключения, лейтенант. Время от времени потомство все-таки появляется, сам же видел. Это была дочь орчанки и эльфа. Если бы наоборот — был бы сын, это правило. Кто бы мог подумать, что у Оттиля сын влюбился в орчанку! Да, старикану в свое время явно тяжело пришлось. Если бы не защита императора, из клана бы поперли, вместе с сыном и внучкой, понятно. Интересно, кто у нее мать? Не столичная точно, я бы знал.

— Духи камней, кто бы мог подумать... — Я ошарашенно встряхнул головой. В принципе, не удивительно, что я не знал о такой возможности. Там, где я раньше жил, даже само предположение о том, что представители разных видов могут полюбить друг друга, было бы кощунственным. Там это — табу. Здесь, судя по всему, тоже не слишком одобряется.

— То, что эльфы это не одобряют, я из вашего разговора понял. А как к этому относятся орки? — я все-таки не сдержался и любопытствовал. Шеф кашлянул и промолчал, а Ханьга ответил:

— А орки о таком даже говорить стесняются. Не то, чтобы совсем против, но о таких вещах предпочитают молчать. Если ребенок остается в семье орков, его просто воспитывают, как обычного орка.

— Ладно, хорош трепаться, — оборвал словоохотливого гоблина шеф, — разрешение на проведение ревизии у нас есть, пошли разбираться. А то уже закрытие скоро, а до завтра копия бумаги по инстанциям пройдет, кто-нибудь обязательно предупредит. И где тогда эффект внезапности? Всему-то вас учить надо!

Мы с Ханьгой не устыдились. Откровенно говоря, настроение у всех было не ахти. Тяжелая, бессонная ночь и вообще не способствует жизнерадостности, а уж такие сведения, какие мы получили от неожиданно свалившегося на нас пленного... мне лично неприятно было осознавать, что в империи стало так беспокойно. Сначала чуть не состоявшийся бунт эльфийских кланов, теперь вот возникает подозрение, что в таком серьезном государственном учреждении, как Миграционная служба, завелась гниль.

Я не так давно здесь живу, но уже привык воспринимать империю, как нечто незыблемое и надежное. А теперь выясняется, что эта незыблемость — иллюзия, и в любой момент она может исчезнуть. Кто-нибудь соблазнится властью, деньгами или еще чем-нибудь, и начнется смута, гражданская война, и удивительный мир, в существование которого даже поверить трудно, будет разрушен. И все станет так же, как везде — нищета, взаимная ненависть рас и сословий, кровь и, как результат, — деградация.

Моим коллегам кажется, пришли в голову похожие мысли — во всяком случае, я не знаю, из-за чего у них могут быть такие хмурые физиономии. Хотя, вероятно, им была неприятна необходимость провести часть жизни, хоть и небольшую, в изоляторе — по-

настоящему непривлекательном приземистом сером здании с грубыми решетками на давно немых окнах, сквозь которые виднелись серые, некрашенные занавески.

В Миграционной службе нас встретили неприветливо. Что и не удивительно — кому понравится внеплановая ревизия? Особенно если учесть, что проверяющие — парни с неясными полномочиями, показавшие какую-то нестандартную бумагу из имперской канцелярии, пускай и со всеми положенными печатями, да еще не имеющие никаких должностей. Полагаю, до сих пор тут такого не случалось. И вообще — работники выглядели вовсе не так браво, как тогда, когда мне приходилось, как иммигранту, находиться здесь. Пока нас вели по хорошо знакомым мне мрачным коридорам с плохо покрашенными и неровно оштукатуренными кирпичными стенами, шеф успел расспросить дежурного, как нынче обстоят дела в инспектируемом заведении. Выяснилось, что директора миграционной службы, Ричарда Лайвиса нет на месте — в последнее время он часто болеет, а его обязанности сейчас выполняет его заместитель и правая рука — Ингвар Стокс. Оба, как нетрудно догадаться, — люди. Вообще, в изоляторе служили по большей части представители этой расы — исторически так сложилось. Большинство иммигрантов принадлежат к этой расе, и многие не любят или просто боятся представителей других народов, так что во избежание лишних конфликтов на работу сюда стараются брать именно людей.

Кабинет директора не слишком изменился с тех пор, как я в последний раз его посещал. Некрашенный стол, единственный стул, занятый ныне заместителем директора, да серый от пыли старый ковер на полу — вот и вся обстановка. Сидящий на стуле человек разительно отличался от знакомого мне по моему пребыванию здесь Ричарда Лайвиса. Просто полная противоположность — низенький, полный, лысый, как коленка, с морщинками вокруг глаз и губами, растянутыми в широкую улыбку.

— Добрый день, милостивые государи! То есть надеюсь, это у вас он добрый, а у меня, как я вижу, не задался — ревизия. — И он весело рассмеялся, радуясь своему остроумию. — Чем обязан визиту? Неужели кто-то из сотрудников нашего скромного учреждения попал под прицел недремлющего ока столичных сыщиков? Но почему тогда именно ревизия? Я теряюсь в догадках!

— Да мы и сами, того, теряемся, — включил дурака гоблин. — Ваши «выпускники» в самом деле засветились, мы обратились к императору с просьбой разрешить задать вам про них несколько вопросов, а вместо этого нам передали эту бумагу и просьбу заодно провести ревизию.

— Ах-ха! По-видимому, кому-то из умников в канцелярии представился случай сделать свою работу чужими руками! Вот это я понимаю, профессионализм! Что ж, господа, у нас все прозрачно, я готов показать любые бумаги.

Следующие несколько часов стали одними из самых скучных в моей жизни. Стенограммы допросов, подробные биографии поступивших за последние три месяца, отчеты психологов, магов и врачей, отзывы с мест работы в империи, куда иммигранта распределили по окончании проверки в миграционной службе... Все выглядело довольно правдоподобно. Ко времени закрытия мы не продвинулись ни на шаг.

— Я чувствую себя бесполезным куском конского навоза! — подытожил шеф первый день ревизии, и мы с Ханьгой молча с ним согласились. Кивнув друг другу, мы разошлись по домам — сегодня устраивать посиделки в конторе ни у кого не было ни сил, ни желания.

А по возвращении домой, меня ждал сюрприз — приглашение в резиденцию Сенней.

Странное дело, я буквально по пальцам могу пересчитать те случаи, когда сюрприз для меня был приятным. И этот не стал еще одним исключением из правил. В последнее время я старался всячески избегать посещения резиденции моей приемной семьи и особенно встреч с ее главой — матерью Сенней. Никакой радости мне эти встречи в последнее время не приносят — я начинаю сожалеть о невозможном, просыпается глупая обида и прочие неприятные чувства, которые не делают чести мне и расстраивают несбывшуюся любовь. Однако если неофициальное приглашение проигнорировать можно (как я обычно и поступаю), то отказаться от официального без серьезной уважительной причины — некрасиво. Сегодня пришло именно официальное. Идти не хотелось страшно — работа как-то отвлекла меня от самокопания и мыслей о своей несчастной любви, а тут такое напоминание. К тому же тяжелый день давал о себе знать. Но я заставил себя встряхнуться и сходить в душ. Вот стоит он своих денег, это уже даже коллеги мои консервативные оценили. Чувствую, прибавится скоро у гномов полоумных клиентов. Долго расслабляться не пришлось, и, немного приведя себя в порядок, я направился в резиденцию. Очередной унылый официальный ужин, на котором я, как и прочие мои родственнички, привычно поведал матери Сенней о своих успехах в новой работе, умолчав, конечно, о том, о чем говорить пока не стоило, рассказал пару историй, которые могли бы кого-то позабавить, если бы все здесь не были такими чопорными и серьезными. Впрочем, мне вежливо поулыбались. Господа родственники стараются больше не демонстрировать мне своего презрения и неудовольствия от того, что я являюсь членом их замечательной семьи, но истинных чувств не скроешь. Впрочем, это относится только к старшим представителям. Младшим на меня наплевать, и они относятся ко мне так, как любой нормальный разумный относится к малознакомому дальнему родственнику. Это те, кто знает о моем существовании — клан у нас немаленький. Ну и им я отвечаю той же монетой, а вот патриархи меня сразу невзлюбили. Кроме матери Сенней. Она-то относится ко мне хорошо. За тем исключением, что использует.

Традиционно после ужина я был приглашен на прогулку по саду. Погода сегодня была пасмурная. В империи теплый климат, но и здесь зима и начало весны — не самое приятное время. Сад был мокр и уныл и представлялся мне большой хищной птицей, спрятавшей от непогоды клюв под крыло.

— Почему ты стал так редко навещать дом, Сарх? — поинтересовалась Тиле, когда мы остались одни.

— Не хочу лишний раз нервировать своим присутствием господ патриархов, — я пожал плечами. — А то ты сама не знаешь, почему я так редко стал посещать резиденцию.

— Сарх, мне бы хотелось поговорить откровенно. С тех пор, как мы вернулись из того путешествия, все поменялось, и мне кажется, нам есть что друг другу сказать.

— Я всегда стараюсь быть с вами откровенным, мать Сенней, — я не удержался и добавил во фразу упрек. Тысячи раз говорил себе, что она поступила так, как должна была.

— Да, я знаю. Беда в том, что я откровенной могу быть далеко не всегда. Ответственность за семью не позволяет. — Девушка печально посмотрела на меня, видимо, пытаясь определить, принял я извинения, или нет. Я, конечно, принял — что мне, скандал устраивать?

— Я понимаю это и восхищаюсь вашей силой духа.

— Сарх. Мне трудно об этом говорить, и, возможно, это не нужно, но во время нашего путешествия я сделала ошибку. Я позволила себе слабость, о которой долго еще буду жалеть.

Эта слабость принесла мне много боли и, вероятно, ранила и тебя.

Девушка замолчала. Я был обескуражен — такого откровенного разговора я действительно не ожидал. И что на это ответить я так и не придумал — молча шел, с неудовольствием ощущая, как прилипают к ногам промокшие от травы штаны. Так и не дождавшись реакции, моя собеседница продолжила. Голос ее стал тверже:

— И хуже всего, что эту слабость видели посторонние. И эти посторонние не стали молчать.

Так вот к чему этот разговор. И при чем здесь я? Поводов я, кажется, не даю. Я так и ответил.

— Это уже не важно. Слухам много пищи не нужно. Они могут ходить долго, обрастая ненужными подробностями, различными версиями. Наша семья сейчас переживает не лучшие времена. И эльфы в целом после того, как чуть не запятнали себя предательством, потеряли доверие императора. Всем нужно как-то реабилитироваться. Некоторые стараются возвыситься за счет других и используют для этого любые возможности. — Так, кажется, я начинаю понимать. — Что ж, ведь мне ничто не мешает уйти из рода. Мы даже можем обставить это как-нибудь красиво: подлый сид не оправдал надежд, возлагавшихся на него, и теперь с позором изгнан...

Я даже почувствовал облегчение от этой мысли — пожалуй, было бы даже лучше порвать все связи с семьей эльфов — членство в ней пока не принесло мне ничего, кроме разочарований. Однако девушке подобное решение проблемы, похоже, не пришлось по вкусу.

— Увы, Сарх, это не только не решит проблемы, но может ее даже обострить. Поверь мне, я неплохо понимаю в интригах и уже рассматривала такую возможность. Нам это ничем не поможет. Для того чтобы прекратить инсинуации и заткнуть слишком болтливые рты, этого мало. У меня есть другое предложение. И боюсь, оно не понравится тебе, но я прошу его выслушать. Спасти положение может только брак. Если кто-то из нас, а лучше оба, обзаведется супругами, подозрения о том, что нас связывает нечто большее, чем отношения матриарха и ее отпрыска, хоть и не исчезнут, но потеряют свой смысл. Я не стала бы просить тебя об этом, но для меня сейчас нет подходящей кандидатуры на роль супруга. Я не упоминаю любовь — глава клана не имеет права руководствоваться чувствами при выборе спутника жизни. Но все сильные семьи сейчас дискредитировали себя, и сблизиться с какой-то из них было бы ошибкой. А молодые семьи растеряны — с ними трудно найти общий язык. Однако найти супруга для рядового члена клана гораздо проще, чем для его главы. Я должна тебе признаться, что в течение последнего месяца я веду переговоры с одним из молодых родов о твоей свадьбе с их представительницей. Пока эти переговоры на начальной стадии, но все говорит о том, что они могут увенчаться успехом. Я не хочу, чтобы это стало для тебя сюрпризом, и поэтому решила сообщить об этом сейчас.

Моя собеседница наконец замолчала и остановилась, испытующе глядя на меня. Я испуганно замер. Испуганно, потому что никогда еще я не был так близок к тому, чтобы ударить женщину, не нападающую на меня с оружием. Я глубоко вздохнул и досчитал до десяти. Открыл рот и попытался что-то сказать, но не смог выдать из себя ни звука. Я заставил себя сделать еще несколько шагов — движения мои не похожи были на движения разумного существа. Я сам себя чувствовал марионеткой. Мать Сенней пришлось меня догонять, путаясь в намокшем платье — это было вопиющим нарушением этикета, но я не обратил на это внимания. Снова остановился и заставил себя глубоко вздохнуть.

— Это довольно неожиданная новость, мать Сенней. Я обескуражен. Пожалуй, мне

следует вернуться домой и поискать причины, по которым я не должен сейчас объявить о своем уходе из клана и навсегда забыть эту гнусную страницу в своей биографии. — Ближе к концу объяснения мой голос перестал быть хриплым, зато стал напоминать змеиное шипение — сиды в момент сильного душевного волнения нередко начинают шипеть, как раскормленное до размеров коня пресмыкающееся. На мать Сенней это, похоже, не произвело впечатления.

— Я понимаю твое возмущение, Сарх, и не могу тебя винить. Но прежде, чем ты начнешь искать эти причины, вспомни о главной. Вспомни, при каких обстоятельствах ты был принят в семью. Если ты покинешь клан, обвинения в убийстве коменданта Элима вновь вступят в силу. По нашему закону ты будешь убийцей и должен будешь понести за это наказание. Тот факт, что ты совершил его, будучи на службе, что комендант был преступником, ничего не меняет. Думаю, кровная месть не нужна ни тебе, ни клану. Не стоит сейчас отвечать. Ты в ярости и можешь наговорить много такого, о чем мы потом будем жалеть. Ступай домой и подумай. У нас еще много времени, и ты можешь позволить себе долгие раздумья. В следующий раз мы встретимся не раньше чем через две дюжины дней, если ты, конечно, не захочешь навестить резиденцию Сенней раньше.

Я решил последовать мудрому совету — молча развернулся и подчеркнуто спокойным шагом вернулся в дом, попрощался и вышел из резиденции.

Идти домой больше не хотелось. Пойти в ближайший кабак и напиться? Это я уже проходил — помогает слабо, да и только лишние проблемы плодить. Нужно было как-то переварить эту историю, а чтобы это переварить, нужно нагрузить своими проблемами еще чьи-то плечи. Я постоял немного возле резиденции, а потом не спеша двинулся куда глаза глядят, сосредоточившись для начала на проблеме выбора, кого бы осчастливить своими бедами. Думать о самих бедах было слишком опасно для рассудка — я и так уже перестал быть уверен в его здравости.

Выбор на самом деле был не такой уж богатый. За то время, что я живу в империи, у меня появилось всего три существа, достаточно близких, чтобы я мог с ними это обсудить. Шеф, Ханыга и Свенсон. Но последнего сейчас лучше не беспокоить — вторую ночь подряд вытаскивать тролля из его не слишком уютного «семейного» гнездышка было бы свинством. Его спутница жизни, девушка-лич, гораздо лучше чувствует себя по ночам, а значит, их общение в основном по ночам и происходит. А поскольку любовь их так же горяча, как и раньше, тролль по-прежнему дорожит каждым мгновением, проведенным вместе. Где живет Ханыга, я до сих пор не знаю. Гоблины скрытны по натуре — им очень трудно пригласить кого-то постороннего в свое жилище. Это никак не зависит от глубины дружеского расположения, с которым относится к тебе представитель этого народа — если ты ну очень дорог гоблину, он тебя, конечно, позовет в гости. Если ты спасаешься от преследования и в противном случае неминуемо умрешь. В общем, такую ситуацию мне даже трудно представить.

И остается только шеф. Правда, я не уверен, что хочу услышать его мнение. Оно наверняка будет дельным, но выскажет он его в таких выражениях, что настроение у меня может еще больше испортиться. Начальник мой деликатностью не отличается. С другой стороны, почему только шеф? Ведь он теперь тоже не холостой орк! Я вспомнил, как мы с товарищами гуляли на оркской свадьбе. И особенно, как мы его сватали. Один из самых веселых моментов в моей жизни. Традиционная оркская свадьба — вещь стоящая, особенно если ее устраивают орки, уже не первое поколение живущие в городе и сами толком своих

традиций не знающие. Все веселее, чем то, что обычно устраивают эльфы или хоть мои драгоценные бывшие родичи. Хотя, кажется, сами брачующиеся так не считали, они только спустя неделю после свадьбы смогли расслабиться и начать получать удовольствие от совместного проживания. Вообще я к свадебным церемониям раньше, да и сейчас тоже, всегда относился прохладно. Но тут уж было бы свинством не порадоваться за коллегу и друга. В том, что свадьба вообще состоялась, мы с Ханьгой видели и свою заслугу. Во-первых, мы давали стеснительному шефу советы, как вести себя с возлюбленной. Ну, а главное — если бы я не втравил товарищей в последнее приключение, нам бы не удалось раскрыть заговор эльфов против империи, остались бы служить в страже, и шеф продолжал бы комплексовать по поводу того, что он является подчиненным своей возлюбленной. Теперь же его самолюбие было удовлетворено. И то, что парадный мундир тайного стражника (которого, кстати, не существует в природе), с капитанскими нашивками, между прочим, шеф не может показать даже своей новоиспеченной жене, этому никак не мешает. На наших с Ханьгой мундирах, между прочим, нашивки тоже вполне приличные — лейтенантские. Так что карьерный рост у нас всех стремительный, жаль, похвастаться мы можем только друг перед другом.

Задумавшись, я сам не заметил, как забрел на окраину столицы. Земля здесь дешевая, поэтому преобладает два типа строений — огромные особняки, скорее, даже, маленькие замки довольно уродливого вида. Здесь живут состоятельные разумные, которым не хватает денег на такое же поместье, но поближе к центру столицы. Часто в таких местах живут целыми родами. Раньше так было принято — дети рождаются, вырастают, растят своих детей, те своих, и так далее, каждое новое поколение пристраивает к дому новый этаж или еще одно крыло... Эльфийские резиденции — как раз и есть пережиток тех времен, изначально они были рассчитаны на проживание всего клана. А теперь там постоянно живут только глава семьи и патриархи. Но большие семейные обеды посещать время от времени приходится каждому эльфу.

Я огляделся по сторонам и попытался сориентироваться. Неподалеку отсюда находится изолятор — портит окружающий пейзаж своим унылым видом. Вон окна светятся... Стоп. Почему светятся окна? Учреждение закрыто, все сотрудники должны проводить вечер дома. «Клиенты» заведения проживают в подземных этажах, те, кто их охраняет, — тоже. Подняться на верхние этажи нет возможности ни у тех, ни у других. Я решил, что мои проблемы подождут — тем более, уже поздно и заявиться в гости к шефу будет не слишком вежливо, так что не стоит ограничивать себя и можно не сдерживаться и удовлетворить свое любопытство.

Здание окружал несерьезный на вид, но на деле вполне внушительный забор, состоящий из редких металлических прутьев. Редких, но не настолько, чтобы между ними можно было пролезть. Даже будь здесь Ханьга, это ничем бы не помогло — он все-таки не настолько subtilный. Днем ворота открыты, но на ночь их, конечно, закрывают. Пришлось перелезть — не слишком приятное занятие — темно, мокро, прутья холодные и слишком тонкие, чтобы за них было удобно держаться, да и заборчик достаточно высокий — метра три в нем точно есть. Очень пригодилась бы кошка с веревкой, но в резиденцию Сенней я ее с собой почему-то не взял. Слава Дану, это все-таки не тюрьма, считается, что заключенные могут попытаться совершить побег, а вот помощникам снаружи взяться неоткуда, так что двор по ночам не охраняется. В противном случае, меня бы точно заметили — перебраться получилось, но некоторое время это заняло, да и совсем тихо не вышло. Я опасался, что меня

все-таки заметят, но обошлось. Когда я обошел дом, окна на втором этаже по-прежнему светились. И вот тут я почувствовал себя полным идиотом. Как я без специальных приспособлений собираюсь попасть на второй этаж? Покричать и постучаться в дверь, чтобы впустили, и подняться по лестнице? Отличная идея, лучше не придумаешь. Новости по поводу собственной вероятной свадьбы негативно сказались на моих умственных способностях — чего я тут собрался подсматривать?

Ничего дельного я придумать так и не смог. Пришлось лезть обратно и ждать неподалеку от ворот, спрятавшись под каким-то не слишком опрятным кустом в надежде, что тот, кто там сейчас бодрствует, скоро закончит свои дела и уберется восвояси, а мне удастся, во-первых, узнать, кто это, а во-вторых, возможно, выяснить, что он там делал. Закончил он не скоро — пришлось подождать часа три, я чуть не уснул, лежа под этим кустом, несмотря на полное отсутствие комфорта.

Мое терпение было вознаграждено — господин Ингвар Стокс, который так сильно торопил нас, потому что у него рабочий день заканчивается, неторопливо запер за собой дверь здания и, позевывая, поплелся куда-то в темноту. В руках у него был стандартный чемоданчик, с подобным ходит, наверное, половина всех имперских чиновников. Я очень сомневаюсь, что в нем было что-то важное — если бы это было так, мы бы заметили, пока проверяли. На всякий случай я решил проследить за человеком. Жалко было тратить время, да и утомился я изрядно, но раз уж начал... В крайнем случае, просто разузнаю, где он живет. Хотя это выясняется гораздо проще — достаточно посмотреть в архиве имперской канцелярии, туда у нас доступ тоже есть.

Господин Ингвар Стокс, государственный чиновник не самого низкого ранга, проживал в доходном доме. Только крайняя нищета или крайняя скупость заставят разумного жить в подобном месте. Именно поэтому доходный дом — не самый популярный способ заработка в столице. Спроса нет. Я проследил, в каком окне зажжется свет, после того, как он зашел, и спокойно отправился домой — урвать хоть несколько часов, чтобы поспать. Я до сих пор считаю этот свой поступок одним из самых глупых в своей жизни. Ни усталость, ни нависшая надо мной перспектива женитьбы не должны были помешать мне задуматься — ведь очевидная же нелепость! Его свои же подчиненные перестали бы уважать, если бы узнали, что он живет в таком месте! Но тогда мне ничего такого в голову не пришло. Даже хуже — прийти-то пришло, но выводов я никаких не сделал.

Утром я здорово проспал, разбудил меня только посыльный, который передал сообщение, что вопрос с секретарем улажен и в ближайшее время в наше распоряжение поступит некая Игульфрид Рагнвер. Поэтому присоединился к коллегам только ближе к обеду. Сообщил новость, выслушал дежурные претензии шефа по поводу того, что бездельничаю, пока приличные люди трудятся в поте лица, и только тогда поинтересовался, куда делся господин Ингвар.

— Да кто ж его знает? Говорят, раньше не опаздывал. Видно, так перетрусил, что решил остаться дома, — пожал плечами Ханьга.

И вот тут до меня дошло. Я с размаху залепил себе пощечину и взвыл. Но не от боли, а от отчаяния.

— Идиот!!!

— Вот так и сходят с ума сиды... — поразился шеф. — Тебе помочь?

— Ты мне сейчас и без спроса поможешь, — мрачно констатировал я и рассказал о своих ночных приключениях.

— Так чего мы сидим? Срочно туда. Может, хоть свидетели какие. Нам бы только труп найти.

Но труп мы, конечно, не нашли. Ни трупа, ни следов не было и в помине. Даже крысодлак, которого я в срочном порядке притащил из дома, не смог ничего унюхать.

— Да уж, лейтенант. Раньше за тобой таких просчетов не водилось, — удивленно и раздосадованно констатировал шеф. — Что это на тебя нашло?

Я рассказал о разговоре, который состоялся у меня накануне в резиденции Сенней.

— Ладно, это тебя отчасти оправдывает. Но если бы мы до сих пор служили в страже, было бы тебе дисциплинарное взыскание.

Уже безо всякого энтузиазма мы вернулись в Миграционную службу и остаток дня провели в молчании, закопавшись в бумаги. Никаких зацепок, конечно, не нашли, и даже беседы с ожидающими решения иммигрантами никакой информации нам не принесли.

— Завтра возьмем выходной, — угрюмо буркнул шеф, когда мы вышли из дому. — Вот и будем отдыхать. Мы с Гриахайей ждем вас в гости, ближе к вечеру. Будет плов. Ханыга, можешь взять жену.

— Не могу, — смущенно покачал головой Ханыга. — Она гнездо вьет.

— Чего? Ты тоже спятил?

— Да нет, у нас все женщины гнезда вьют, когда ждут потомство. Это инстинкт такой.

Мы с шефом аж остановились от изумления. Так вот куда Ханыга тратил свои немалые заработки! На то, чтобы обзавестись потомством! Его мечта наконец-то сбылась. Хоть у кого-то все хорошо в личной жизни. Мы горячо поздравили гоблина и разошлись по домам.

— Давайте-давайте, лопайте! — приговаривал шеф, придвигая нам с Ханыгой тарелки, в очередной раз наполненные знаменитым оркским пловом. — Такого ни в каком кабаке не попробуешь.

Несмотря на то, что тарелки были наполнены уже в третий раз, отказать мы не могли и через силу вталкивали в себя ложку за ложкой. Не из уважения к шефу, конечно, просто настоящий оркский плов — это действительно безумно вкусно. Но, к сожалению, еще и очень сытно — сожрать весь казан целиком, да еще и стенки облизать, как бы того ни хотелось, было просто невозможно. А жаль. Мелкий гоблин уже здорово напоминал эдакий шарик с отростками, а я, в силу того, что могу похвастаться более высоким ростом, до такого совершенства еще не дошел, но упорно старался не отставать.

Настроение, даже с учетом последних неприятностей, было радужным — наблюдать за семейным счастьем орков было очень весело.

Сейчас я почти не жалею, что мы ввязались в разборки между эльфами — дело того стоило. Жаль что, окончание этой истории трудно назвать триумфальным и величественным.

Когда казан с пловом все-таки был опустошен, мы с Ханыгой переползли в гостиную. Лично я боролся с желанием лечь на пол и потребовать, чтобы меня кто-нибудь перекатывал, моя нынешняя форма это вполне позволяла. В гостиной нас уже ждали уютные кресла и столик, на котором приветливо дымились крошечные пиалы с чаем. По-видимому, шеф твердо вознамерился ознакомить нас со всеми традициями орков. Мы и не сопротивлялись.

— Довольны ли гости угощением? — спросила Гриахайя шефа, при этом скромно опустив глаза. Я с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. На самом деле, особой скромностью и покорностью орчанка никогда не отличалась, и на службе она по-прежнему гоняет подчиненных в хвост и в гриву. Да и в семейной жизни они с шефом общаются вполне спокойно, игнорируя все эти строгие племенные традиции. А сейчас, думаю, она просто

подыгрывает мужу — почему бы и не сделать приятное любимому, если уж ему так хочется похвастаться?

— Гости довольны, женщина, я не буду тебя сегодня наказывать, — это Ханыга не выдержал и решил подшутить, ответив традиционной фразой, да еще попытавшись скопировать густой бас шефа. Тут уже я не выдержал и расхохотался — сценка вышла смешная и сама по себе, а уж наблюдать, как шеф, только открывший рот для ответа, с шумом его захлопывает и удивленно хлопает глазами, без смеха было вообще не возможно. Впрочем, он быстро оправился и присоединился к нашему жизнерадостному ржанию.

— Ладно, тогда, мальчики, может быть, вы поведаете глупой женщине, как продвигается ваше расследование? — уже вполне серьезным голосом спросила капитан стражи после того, как все успокоились. — А то муженек информацией делиться не спешит, щеки надувает и говорит — секретная информация. А я же не прошу подробности! Вполне достаточно официальной версии, — спрашивала орчанка с искренним интересом, но не забывая подливать чай в опустевшие пиалки.

Мы с Ханыгой, не особо вдаваясь в детали, рассказали о моем позоре. Шеф, похоже, был не слишком доволен, что мы разглашаем информацию о секретном расследовании (он так и выразился), но я подумал, что от нашей бывшей начальницы можно не таиться. Госпожа Гриахайя знает настоящую причину нашего ухода со службы, господа из имперской канцелярии посчитали, что проще позволить ей узнать правду, чем выдумывать причину, по которой трем хорошим сотрудникам так легко позволили уволиться из стражи. Заодно я пересказал ей свои проблемы, которые повлекли за собой такую глупую ошибку.

— Я бы на твоём месте не слишком укоряла себя, — она пожала плечами. — Если б тебя не понесло на прогулку, вы бы даже не узнали, что с ним случилось, с этим господином Ингваром. Да и по поводу женитьбы своей можешь не переживать. Если вам в скором времени не придется отправляться за границу, то я твоя бабушка. А к вашему возвращению вся ситуация еще дюжину раз поменяется. В крайнем случае и в самом деле уйдешь из рода. Ох уж эти мне сложные эльфийские внутрисемейные отношения! Еще кровной мстью пугают! Я бы на твоём месте доложила императору. Эльфийские законы у них... Мало им последних неприятностей, еще хотят?

Под конец монолога леди Гриахайя совсем распалась, было видно, что она сдерживает крепкие выражения. Ну а меня зацепила оговорка о том, что мы должны в скором времени отправиться за границу.

— Что тут такого удивительного? — спросила капитан стражи, заметив мое недоумение. — Все указывает на то, что беспорядки провоцирует кто-то из-за границы. Ваша задача сейчас выяснить как можно больше об этом, чтобы было понятно, что конкретно искать. А дело это на вашей команде, вам его и завершать. Вряд ли это можно сделать отсюда.

— Но я думал, что есть какие-то специальные службы. Разведка, например.

— Ты не так давно здесь живешь, всех нюансов не знаешь. А хотя бы и не ты — широкой общественности это не известно. Разведки как таковой у нас нет. Та, что есть, совсем другими вещами занимается. Так что некому с этим разбираться, кроме вас. Тем более, ты, Сарх, говорят, на дипломата учился. Да и что творится за границей, понимаешь гораздо лучше большинства из этих господ, что сидят в имперской канцелярии.

Я задумался. С одной стороны, сбежать на время от «семейных проблем» было бы очень кстати. А с другой — я не был уверен, что мне так уж сильно хочется вернуться на родину,

даже на время. Ностальгия меня не мучает.

Я вспомнил о том, что наша команда скоро увеличится, и не замедлил поделиться новостью с женой начальника. Шеф так явно демонстрировал свое недовольство тем, что наш мужской коллектив будет разбавлен дамой, и, кажется, переборщил с возмущенными воплями — Гриахая обиделась.

— То есть ты, любезный супруг, считаешь, что от женщин в сыске одни проблемы? — очень спокойным голосом поинтересовалась она.

Любезный супруг как-то сразу втянул голову в плечи и забормотал бессвязные оправдания, что, дескать, ничего такого он в виду не имел, и вообще... Мы с Ханьгой с умилением наблюдали за тем, как наш суровый начальник мгновенно превращается в ласкового котенка. Мне даже захотелось поаплодировать такому перевоплощению.

Новая рабочая неделя началась для меня с минорной ноты — я проснулся от громкого, требовательного стука в дверь.

Накануне мы с коллегами и крысодлаком до позднего вечера рыскали вокруг того дома, в котором я последний раз видел господина Ингвара, в надежде найти какие-нибудь следы. Даже Свенсон изменил своим привычкам и покинул свой уютный прохладный подвал морга, в надежде, что ему удастся своим некромантским чутьем напасть на след уже, без сомнения, покойного Стокса. Все безрезультатно. Еще перед выходными мы выяснили, где на самом деле жил исполняющий обязанности начальника Миграционной службы. Более чем приличный домик в центре столицы пустовал уже второй день. Пробраться в него не составило никакого труда, но даже личные вещи пропавшего не помогли Свенсону вызвать дух покойного.

— Такое проделать не очень сложно, парни, — виновато пожал плечами тролль, когда понял, что дальнейшие попытки ни к чему не приведут. — Заключение бедолагу в какой-нибудь предмет, и все дела. Вот если бы у меня было его тело, я бы заставил его говорить. А так сами видите — бесполезно.

Крысодлак тоже ничего не вынюхал. У него, конечно, замечательный нюх, но у нас сложилось ощущение, что никаких следов вообще не осталось — зверь ни разу даже не насторожился.

— А вот интересно, — пробормотал Ханыга ночью, когда мы сидели в «Подземном кабаке» за кружечкой пива, — что не так с господином... Забыл, как его зовут, но этот, чьи обязанности Стокс исполнял.

— А вот это — очень правильный вопрос, зеленый, — заметил шеф. — Как-то мы его упустили из виду. Завтра обязательно займемся, а то, не дай бог, и этот куда-нибудь исчезнет.

— Так, может, прям сейчас и отправимся? — с энтузиазмом спросил я.

— Нет, лейтенант, мы уже и так дел наворотили. Я, конечно, понимаю, что у тебя шило в заднице и тебе не терпится чем-то занять голову, но после трех кружек пива я лично слишком добрый, допрашивать не с руки. Так что завтра поутру его навестим. Заодно и новость о том, что заместитель его исчез, сообщим. То есть не утром, конечно, а ближе к полудню. А то что-то замотались мы сегодня, отоспаться надо.

Но отоспаться мне, как я уже сказал, так и не дали. Гадая, кого принесло в такую рань, я, чертыхаясь, поплелся вниз. Открыл дверь и удивленно уставился на посетителя. Мне хватило самообладания не раскрыть рот от удивления, но на осмысленные действия — нет. Так что я молча разглядывал явившуюся барышню, и в голове у меня крутилась одна мысль — моя сообразительность в последнее время оставляет желать много лучшего. Как и умственные способности моих коллег, впрочем. А дело все в том, что передо мной стояла та самая внучка Оттиля, которую мы имели счастье наблюдать несколько дней назад, пока ожидали аудиенции у императора. Барышня, сморщив носик, рассматривала мой не слишком подходящий для приема посетителей наряд — плед, из которого я по пути к двери соорудил нечто отдаленно смахивающее на плащ. Ну, за рамки приличий одеяние не выходило, если рассматривать его как одежда только проснувшегося человека, которого выдернули из постели бесцеремонным стуком ранним утром. Если рассматривать наше здание как

официальное учреждение, а меня — как его служащего, то выходило, конечно.

Так и не дождавшись от меня реакции, девушка что-то сказала и передала мне бумагу. Что именно она сказала, как-то прошло мимо моего внимания, и я не нашел ничего лучше, чем глупо переспросить:

— Что?

— Игульфрид Рагнвер, направлена на службу в качестве секретаря в ваше сыскное агентство. Направление вы в руках держите, — немного раздраженно повторила моя новая коллега.

— М-м-м... — Да что со мной такое? Какие-то дурацкие междометия вместо нормального человеческого приветствия.

— Да, я действительно полукровка. Нет, мне не трудно с этим жить. Нет, я не чувствую себя существом второго сорта. Нет, я не делаю никакой разницы между родней со стороны орков и родней со стороны эльфов, — еще более раздраженно выпалила Игульфрид.

Мне наконец удалось взять себя в руки.

— Да мне это вовсе не интересно, — немного грубовато ответил я. — Во-первых, давайте пройдем внутрь, незачем стоять на пороге. Во-вторых, представлюсь, — продолжил я после того, как мы вошли внутрь. — Меня зовут Сарх из рода Сенней, наших коллег Ханьги и Огрунхая пока здесь нет, с ними вы познакомитесь позже. Что случилось? — это я заметил удивленно расширившиеся зрачки девушки, когда она услышала наши имена.

— Ничего не случилось, — спокойно ответила она. — Что там в-третьих?

— В-третьих будет, когда я прочитаю ваше направление.

Я вскрыл печать и углубился в чтение. Вернее, приготовился углубиться в чтение. Официальный приказ содержал всего две строчки:

«Игульфрид Рагнвер направлена в подчинение капитану Огрунхаю и лейтенантам Ханьге и Сарху. Сведений об истинном назначении сыскного агенства не получала — сие остается на усмотрение вышеупомянутых. В случае, если поименованные сочтут возможным их раскрыть, разрешается присвоить звание и поставить на денежное довольствие в имперской канцелярии. В противном случае использовать как секретаря в повседневных делах сыскного агентства».

Ниже стояла личная подпись императора.

И что нам с ней делать теперь? Дождавшись, когда бумага рассыплется в моих руках, я повернулся к Игульфрид. Она как раз удивленно рассматривала пепел, оставшийся от приказа. Еще бы — не каждый день такие банальные документы, как направление на службу, защищены такими сложными чарами, чтобы рассыпаться по прочтении.

Определенно, принимать решение о том, будет ли Игульфрид помогать во всех наших делах, или только тех, которые не выходят за рамки секретности, мы будем все вместе. А пока, в ожидании коллег, я решил прояснить некоторые моменты:

— Простите, леди, но насколько мне известно, в эльфийских семьях поступать на службу в частные конторы, не принадлежащие оной семье, не принято. Что определило ваш выбор?

— Ни одно из дел нашей семьи меня не привлекло. Я считала, что моим талантам найдут лучшее применение на государственной службе, но максимум, чего я добилась, — это назначения секретарем в вашу организацию. — Судя по тону девушки, она была не согласна с таким решением.

— И какими же талантами вы обладаете? — спросил я, не удержавшись и добавив в

голос сарказма. Хотя иронизировал я зря — если у разумного глаза такого цвета, может он многое. Природные ведьмы на дороге не валяются. Похоже, мне просто захотелось ее слегка подначить. И она с готовностью заглотила наживку. Даже немного слишком — в комнате ощутимо похолодало и потемнело, а леди Игульффрид грозно нахмурилась:

— Моих талантов достаточно для того, чтобы разнести вашу халупу по камушку! Как вы считаете, вам этого достаточно?

— Я никоим образом не хочу сказать, что сомневаюсь в ваших способностях, леди. Но в нашей работе довольно редко приходится уничтожать постройки. Боюсь, я пока не вижу применения этому, безусловно, выдающемуся умению, — я уже не мог остановиться. Сам не знаю, что на меня нашло. Вероятно, неудачи последних дней негативно сказались на моем характере и чувстве такта.

Барышня разозлилась еще сильнее и, похоже, собралась устроить настоящий катаклизм локальных масштабов, но тут неожиданно взвизгнула, и все прекратилось. Температура вернулась к норме, и освещение тоже, а леди Игульффрид с неразборчивыми восклицаниями, вроде «Ух ты, какая прелесть», направилась к люку, ведущему в погреб. Возле люка, с любопытством глядя на происходящее, сидел крысодлак. Что удивительно, он совершенно не сопротивлялся, когда она бесцеремонно схватила его на руки и стала гладить. Раньше он подобное позволял только мне, да и то — не всегда. Я даже немного обиделся.

— Кхм, леди, я думаю, вы можете пока располагаться, а я вас временно покину. Дело в том, что мы по некоторым причинам сегодня не планировали начинать рабочий день так рано. Так что думаю, мне стоит вас ненадолго оставить, чтобы принять, кхм, более официальный вид. — Это я вспомнил о своем наряде. — Можете пока поискать на кухне кофе, там, кажется, был. Вам в любом случае придется его готовить, вы все-таки секретарем будете, уж не обижайтесь. Крыс, покажи леди, где находится кухня, раз уж вы подружились.

Барышня что-то зашипела мне в спину — я предпочел не вслушиваться и поспешно поднялся вверх. Возвращался я уже будучи более-менее в порядке. Как внешне, так и внутренне.

Когда я спустился, кофе с кухни не пахло. С кухни пахло жареной колбасой. Но обрадоваться я не успел — сковородка, на которой шкворчала колбаса, стояла перед нашей новоиспеченной сотрудницей, и колбаса с нее исчезала с поразительной скоростью. Отменный аппетит у барышни, шефу понравится. Крысодлак сидел на столе и с удовольствием делил с секретаршей завтрак, который он сам помог ей добыть.

Леди Игульффрид уставилась на меня с подозрением, видимо ожидая, что я начну возмущаться таким самоуправством.

Я возмущаться не стал, но кофе пришлось варить самому — как я и рассчитывал. А вот за колбасу было обидно — никогда мне не приходило в голову, что ее можно пожарить перед употреблением, и теперь так соблазнительно пахло, а единственная сковорода занята, да и колбаса, кажется, была последняя. Я вообще-то стараюсь следить, чтобы она не кончалась, но крысодлак следит, чтобы она не висела в подвале слишком долго, еще более ревностно.

Пока разбирался с кофе, я мучительно старался понять, что мне следует говорить. В голову ничего не приходило, и я уже совсем приготовился вещать что-нибудь банальное, чтобы потянуть время, но тут, слава богам, распахнулась дверь и на кухне появился шеф.

— Ого! — завопил шеф. — Сарх, я так понимаю, надежда на то, что эта леди — твоя новая подружка, напрасно вспыхнула в моей трепетной душе? Тогда потрудись объяснить, что она делает на нашей кухне?

— Колбасу ест, шеф, разве не видишь? — печально вздохнул я, не обращая внимания на ощутимое похолодание. — Мою последнюю колбасу, между прочим.

— Ах-ха-хах, так тебе и надо. Хотя я сочувствую твоей утрате, конечно. Приятного аппетита, барышня, не нужно так на меня коситься. Это ваша законная добыча, я не стану ее оспаривать. Но ты, Сарх, не заговаривай мне зубы. Лучше объясни, почему ты так спокойно относишься к этому вопиющему факту? Или это новая услуга для наших клиентов? «Если у вас проблема, которую мы можем решить, мы ее решим, даже если это всего лишь голод?» А что, мне нравится.

— Нет, дорогой шеф, ты ошибся. Вернее, это я виноват, не объяснил сразу, — я решил, что пора прекращать развлекаться, тем более, что леди, похоже, уже приготовилась рассердиться всерьез. — Разреши представить. Леди Игульффрид Рагнвер, наша новая секретарша. Леди Игульффрид, вы видите перед собой господина Огрунхая. Он глава нашей организации, и это он решает, что именно вы будете делать и на сколько оценить вашу помощь.

Леди Игульффрид привстала со стула и присела в книксене. Учитывая то, что на ней были одеты орочьи штаны, а не эльфийское платье, смотрелся книксен забавно. Шеф стал серьезен.

— Рагнвер, говоришь... Сарх, я не ошибаюсь, мы ведь с тобой идиоты, теряем квалификацию и прохлопываем мимо ушей очевидные факты, так? — спросил шеф, обходя леди по кругу и бесцеремонно ее рассматривая — как будто лошадь на рынке, причем лошадь не первой молодости.

— Ты прав, шеф, только ты забыл еще Ханьгу добавить в нашу компанию.

— Не, гоблин мог и не знать род Оттиля, ему простительно.

— Господа, я могу предположить, что вы так невзначай обсуждаете меня? — наконец не выдержала Игульффрид.

— Именно так, девочка, но тебе придется с этим смириться. Так что возьми себя в руки и прекрати ворожить, тут скоро стекла инеем покроются. Я тебе больше скажу, мы сейчас дождемся нашего третьего и пойдем по делам. А по дороге мы будем долго и со вкусом мыть тебе кости. Такова жизнь, ничего не поделаешь.

Девушка расслабилась, и температура резко вернулась к норме.

— Да мне по большому счету все равно, господа. Я только надеюсь, что предметом обсуждения будет не мой внешний вид.

— Нет, я серьезный, счастливый в браке орк, и гоблин, который что-то задерживается, — тоже. Господину Сарху, конечно, не так повезло, но он у нас слишком уж деликатный и тактичный, так что тут можешь не волноваться. Из всей твоей внешности меня интересует только цвет твоих глазок и что нам в связи с этим от тебя ждать.

— Ну, вы, похоже, и сами все знаете. Я — ворожея. Все, что связано с природой, дается мне проще, чем другим. Хорошо нахожу общий язык с животными, это у меня от мамы. Шаманизм, общение с духами — совсем чуть-чуть. Говорю с растениями — это от папы. Распознаю яды, могу помочь отравленному, если он еще не умер.

Я встрепенулся:

— А сама зелья составлять умеешь?

— Спрашиваете!

Я, боясь спугнуть удачу, побежал наверх, сопровождаемый язвительным шефовским «дорвался до игрушечки, болезный!». Когда я протянул девушке остатки своего зелья, того

самого, «на крайний случай», она удивленно уставилась на меня:

— И кого вы этим травили? Неужели вы думаете, что я стану повторять что-то такое? Это же верная смерть! Да кто только согласился такое принять!

— Ты видишь этого идиота прямо перед тобой, девочка! — прокомментировал шеф. — Это он для себя, так что насчет моральных проблем можешь не волноваться.

Девушка посмотрела на меня и поинтересовалась:

— А почему он еще живой? Там же от желудочно-кишечного тракта вообще ничего не должно было остаться!

— Не переживайте, леди, это действительно только на самый крайний случай. Если сможете сделать такое же, я буду вам очень благодарен! Понимаете, это как страховка.

Девушка с сомнением покачала головой, но обещала сделать все возможное.

— Я и сама знаю несколько полезных рецептов.

— И ты нам обязательно составишь список, чтобы мы знали, на что рассчитывать. Но я наблюдаю, как по улице движется наше зеленое недоразумение. Сейчас быстренько знакомьтесь, и нам пора, а ты будешь тут обживаться. Бумажной работы у нас немного, но это если регулярно ее делать, а сейчас поднакопилось. Так что работа на ближайшее время у тебя есть. Хотя сейчас объяснять ничего не буду, некогда. Можешь просто обживаться. Вечером, если будет время. Главное — принимай посетителей, если кто-то заявится, и фиксируй.

— Господин Огрунхай, подождите! Я хотела бы сразу прояснить один вопрос! Я не для того пошла на конфликт с семьей, чтобы заниматься бумажной работой! Для того, чтобы работать секретарем, необязательно быть ведьмой! Если я нужна вам только для этого — я заранее отказываюсь.

— Угрожает еще! — расхохотался шеф. — Я еще не решил, для чего ты нужна. Вот обсудим все с коллегами и все тебе как есть расскажем. И если не понравится, то можешь идти и сообщить об этом своему дедушке или самому императору, это уж не мое дело. А пока извини. Ханьга, это — Игульфрид, она у нас теперь работает. Игульфрид, это — Ханьга, последний из твоих начальников. Есть еще Свенсон, но он не твой начальник, да и работает у нас только на полставки. Все, мы ушли.

Мы направились в сторону дома господина Лайвеса, и шеф незамедлительно приступил к обещанному «мытью костей» нашей новой коллеги.

— Сарх, там по поводу девочки никакого пояснения не было в представлении? Что нам с ней делать?

— Ничего не было, шеф. Раскрывать или нет нашу основную деятельность — на наше усмотрение.

— Хм. Император, как всегда, темнит. Ладно, пусть пока как есть остается. Если девчонка заметит, что у нас не все прозрачно, и задаст правильные вопросы — тогда посмотрим. А нет — так нет, пускай это вроде как экзамен будет. Вообще вроде ничего, не зануда, мне понравилась. Да и способности ее надо получше выяснить, если правда, что я о таких слышал — нам повезло. Может, и окажется полезной.

Господин Лайвес действительно выглядел нездорово. Да, откровенно говоря, выглядел он так, что краше в гроб кладут. Иной зомби дал бы господину Лайвесу фору. Судя по личному делу, Ричард Лайвес был человеком пятидесяти пяти лет от роду. Но глядя на него, я бы никогда так не подумал. Он больше смахивал на гоблина, умудрившегося прожить как минимум в три раза дольше. Абсолютно прозрачные волосы, кожа бледно-зеленая, белки глаз

желтого цвета. Супруга долго не хотела пускать нас в его спальню, и я вовсе не был удивлен. Не знаю, чем болен этот господин, но возникало опасение, что любое усилие, например, требуемое на то, чтобы открыть глаза, может стать для него последним. Говорить ему, конечно, тоже было трудно, и он был явно чрезвычайно обеспокоен нашим визитом.

— Неужели Стокс не справляется? — с трудом просвистел он. — Мне казалось, он довольно шустрый молодой человек. Когда я уходил, он уверял меня, что со всем справится. Да и что там не справиться? Работа у нас есть, но уж не настолько сложная.

— Все в порядке, господин Лайвес, это просто проверка, не более, — уверил его шеф. Мы просто хотели уточнить некоторые детали, не отраженные в отчетах, но, видя ваше состояние, думаю, помощь требуется нам не настолько сильно, чтобы вас беспокоить, — бесцеремонно высказался шеф.

— Да, этот недуг что-то никак от меня не отвяжется, такая досада, — устало прикрыв глаза, прошептал начальник Миграционной службы. — Вероятно, мне придется в ближайшее время просить об отставке — и это еще до шестидесяти, какой позор! В моей семье никто не уходил на покой раньше восьмидесяти лет.

— Господин Лайвес, только один вопрос, — поинтересовался Ханьга, — почему вы не обращаетесь к государственным врачам?

— О, зачем мне государственный врач, если моя супруга до недавнего времени им и была? И только моя неожиданная болезнь заставила ее покинуть службу, чтобы полностью сосредоточиться на уходе за мной. Она одна меня и поддерживает. Сыну некогда, у него свои заботы. Ей, бедной, трудно приходится...

— Неужели? — изумился Ханьга. — Что ж, тогда это все объясняет.

В этот момент в комнату неслышно проскользнула леди Лайвес и шепотом попросила нас удалиться — супругу пора было снова принимать лекарства. Мы послушно развернулись, чтобы уйти, но больной снова заговорил:

— Господа, прошу вас, не затруднит ли вас прислать мне результаты проверки? Все-таки не каждый день с нами случается ревизия, и я уверен, что это неспроста. — Он повернулся к жене: — Дорогая, будь добра, собери копии основных материалов, которые лежат у меня в кабинете, и передай этим господам. Возможно, это как-то поможет вам.

— Конечно, дорогой, я все сделаю завтра и сама отнесу по тому адресу, который вы, господа ревизоры, мне укажете. А пока тебе пора принимать лекарство!

Дама слегка повысила голос, и мы поспешили ретироваться — уж больно суровый у нее был вид.

Некоторое время шли молча, а потом Ханьга задумчиво провозгласил:

— Странные какие-то дети у господина Лайвеса. Некогда им.

— Действительно, странно, зеленый. Может, навестим, раз уж все равно день почти свободный получился?

— Зачем? — я удивился.

— Да не нравится мне эта его болезнь. Как-то непонятно он болеет. Я вот думаю — надо бы родственников поподробнее расспросить.

— Действительно, непонятная ситуация. Но, может, надо было его жену спросить?

— Может, и надо было, но что теперь-то? Да и странная такая леди, похожа на строгую школьную учительницу. У меня от нее мурашки по коже.

Удивительно, но меня преследовали примерно такие же ощущения, и возвращаться, чтобы узнать подробности, не хотелось. Тем более для того, чтобы задать какие-то

непонятные вопросы о здоровье, которые нас, в общем, совершенно не касаются. А вот у деток и действительно можно узнать, и заодно напомнить об отце. Тем более, живут они, судя по досье, совсем недалеко.

И тут нас ожидал очередной сюрприз: младший господин Лайвес, как оказалось, уже более двух месяцев отбывает тюремный срок за избиение, как нам сообщила его жена. Ясно теперь, почему он не навещает отца, и понятно, что ему о проблемах сына не рассказали, чтобы не волновать лишний раз. Отвечать на какие-то вопросы супруга молодого преступника отказалась — ее право, да и все нас интересующее мы можем узнать у него лично. Нужно только получить разрешение у почтенной госпожи Гриахайи.

С этим мы, естественно, справились быстро. Через час дело младшего Лайвеса, как и разрешение на посещение, было уже у нас. Зачем нам так уж понадобилось с ним встретиться, никто из нас сказать не мог. Просто странная сложилась ситуация — отец тяжело болен, сын в тюрьме... Что-то слишком много напастей на одну семью. Тем более, что сын, как оказалось, не совсем в тюрьме. Днем он, как и прочие заключенные, занят на общественно полезных работах, а вечера проводит в тюремной больнице. Тюремный мозгоправ лечит нарушения психики, вызванные тяжелым сотрясением мозга, полученным при совершении преступления. А самое интересное — это совершенное преступление. Выяснилось, что сын господина Ричарда Лайвеса, Фредерик Лайвес, заключен под стражу за то, что избил собственную мать.

— Что-то у меня в голове не укладывается. Такой положительный молодой человек. Приличная должность. С родителями давно не живет, но до последнего времени навещал их чуть ли не каждый день. И такое сотворил! Странно, очень странно, — причитал Ханьга. Мы с шефом тоже испытывали недоумение.

В любом случае, гадать было бессмысленно. Мы и не стали. Городская тюрьма — это совсем не то же самое, что каторга. Те, кого угораздило сюда попасть, как правило, не совершили ничего по-настоящему ужасного. Поэтому и портить им жизнь слишком сильно никто не старался. Так что в крепости сидели мелкие воришки, пьяницы и прочий антисоциальный элемент. Каждый день они должны трудиться, для того чтобы окупить собственное содержание. Работы, на которые отряжают таких деятелей, не пользуются популярностью среди благовоспитанных горожан по причине низкой оплаты или малой престижности, но никакими ужасными условиями не отличаются. Половину городских дворников, ассенизаторов и могильщиков как раз и набирают из числа таких оступившихся. Некоторые из них, кстати, даже и не замечают особых изменений, так как вид деятельности до попадания в заключение и после у них один и тот же. Так что Фредерик был скорее исключением. Безусловно, такое непочтительное отношение к собственной матери, которое продемонстрировал юный Лайвес, возмущает, но факт остается фактом — лишать свободы человека всего лишь за попытку избиения более чем на четыре месяца никто не станет. Однако когда мы его нашли, возле только что открытой могилы, выглядел он так, будто занимается этим скучным и беспросветным делом всю свою жизнь и этим утром ему, наконец, сообщили, что следующая могила, которую он выкопает, будет его собственной. Такого тоскливого и унылого взгляда я не встречал даже у тех каторжников, которым предстояло пробыть на каторге всю оставшуюся жизнь.

По правилам допросы заключенных должны проводиться вечером, когда заключенные возвращаются в бараки (или в случае Лайвеса — в лазарет). Но мы решили не тянуть время, а, разузнав, чем именно он занят, отправились на кладбище. Посчитали, что рабочая

обстановка будет способствовать деловому настрою. Надзирающий стражник очень удивился нашему появлению — среди сотрудников стражи о нас до сих пор ходят легенды, но позволил отозвать в сторону одного из его подчиненных.

Наше появление вызвало слабое оживление на лице молодого человека. Шеф почему-то решил, что разговаривать с Фредериком должен я. «Псих психа завсегда лучше поймет, так что давай, вперед, не подведи коллег». Я возмутился, но отношения выяснять не стал.

— Фредерик, не могли бы вы объяснить нам причины своего поступка? — начал я без обиняков. А зачем городить лишние словесные конструкции. Вряд ли он поверит, что мы зашли просто поинтересоваться его здоровьем.

— Я уже все причины объяснил. Мне не верят. Вы можете ознакомиться с ними в моем личном деле. Или у моего лечащего врача. — Он был так подчеркнута неприветлив, что было ясно — сказать ему есть чего и очень хочется.

— Спасибо за совет, мы обязательно им воспользуемся, но все-таки для начала хотелось бы услышать все от вас.

На самом деле мы просто не успели ничего прочитать, но не сообщать же об этом.

— Ну, хорошо. Повторю еще раз. Я напал на свою мать, потому что совершенно уверен, что это не моя мать, а кто-то, кто принял ее облик. И я это понял до того, как на нее напал, а не после, как это утверждает господин психиатр.

— И как же вы это поняли?

— Я не могу это объяснить. Она по-другому говорит и говорит вещи, которые раньше она бы никогда не сказала. Она совершает поступки, которых моя мать не совершила бы никогда. Просто почувствовал, и все. И мне показалось, что отец заболел из-за нее. Я сказал ей об этом. Она только посмеялась надо мной. Сказала, что отец все равно рано или поздно умрет. Я схватил ее за руки и начал трясти, я просто не мог поверить, что она это говорит. Тогда она оттолкнула меня с такой силой, что я отлетел и ударился головой. Когда очнулся, я был уже в страже. Я отлично помню, что все было именно так, а не то, что говорила им она. Но меня никто не слушал!

Парень отвернулся и всхлипнул. Мы с коллегами переглянулись. Дураку понятно, что парень слегка не в себе. Но вокруг этой семейки и правда что-то странное творится. Я задал еще несколько уточняющих вопросов, но Фредерик явно был не в состоянии больше говорить.

— Знаете, может, стоит вернуться в дом Ричарда Лайвеса и все-таки поговорить с его супругой? — тихонько предложил Ханыга, когда младший Лайвес в очередной раз замолчал и ушел в себя.

— Неплохо бы для начала ознакомиться с материалами дела, — пожал плечами шеф, — но вообще да, все страньше и страньше. Дураку ясно, что у парня крыша не только съехала, но уже скрылась за горизонтом, и все-таки его матушка действительно ведет себя странно.

Мы попрощались с молодым человеком и уже вышли за ограду кладбища, когда чуткий гоблин насторожился.

— Кто-то кричит!

Мы развернулись и быстро пошли назад. Причина криков стала понятна, стоило только пройти немного в глубь кладбища. Земля на некоторых могилах шевелилась.

— Кладбище поднялось! — завопил шеф. — Ханыга, пока не поздно, бегом за Свенсоном. Мы — на помощь могильщикам, — распорядился он.

Ханыга помялся секунду, но, поняв, что толку от него все равно не будет, побежал к

выходу. Упокоить поднявшегося мертвеца может только маг. Лучше всего — некромант. Ну, еще это можно сделать с помощью серебряного оружия, но у нас такого при себе, конечно, не было. Во-первых, это дорого, а во-вторых, не так часто в столице случается такое чрезвычайное происшествие. Так что надежда была только на то, что нам удастся продержаться до появления тролля.

До могильщиков добрались быстро — они пытались пробиться к выходу с кладбища, пока безуспешно. С помощью лопат им пока удавалось довольно успешно отбиваться от нападающих мертвецов. Надзирающий офицер растерянно стоял за их спинами — у бедняги такого прекрасного оружия при себе не оказалось. Я с некоторых пор ношу с собой меч. Пожалуй, в данном случае он оказался даже менее полезен, чем лопата. Иногда мне удавалось отсечь кому-нибудь из нападавших руку или ногу, но гораздо реже, чем хотелось бы. Не так-то просто это сделать, как может показаться. А вот останавливающее действие у меча гораздо хуже, чем у лопаты. В этой ситуации отличился шеф. Пока бежали к обороняющимся заключенным, он выломал целиком небольшой ясень и теперь с энтузиазмом размахивал импровизированной дубинкой. Мертвецы так и разлетались из-под его ударов. Постепенно мы выстроились клином — шеф на острие, могильщики с лопатами по бокам, в центре — надзирающий офицер, ну и сзади я, по мере сил отпихиваю особенно настырных зомби. Когда мы подошли к выходу, вокруг нас уже собралось, казалось, все кладбище целиком. Если бы не шеф, не выбрался бы никто. Я выходил последним, захлопнул за собой выкованную из тяжелых стальных прутьев дверь (как раз на такой случай), а поджидавший наготове кладбищенский сторож проворно прикрутил ее цепью к ограде. В конце улицы уже показались Ханьга и Свенсон с церемониальным серпом, на лошадях. Вообще-то, тролль обычно не пользуется вспомогательными инструментами, но не в этом случае. Упокоить сразу такую толпу немертвых не так-то просто, в одиночку с этим может справиться только сильный некромант, и без некоторых вспомогательных предметов тут не обойтись. Пришлось сторожу разматывать цепь обратно.

Посмотреть на работу профессионала всегда приятно, так что мы с любопытством собрались возле ограды. Тролль, бормоча себе под нос какую-то галиматью, спокойно раскрыл дверь и вошел внутрь. Никто из находящихся внутри не попытался выскочить, наоборот, покойники отскочили подальше от тролля. Войдя внутрь, он начал танцевать. Зрелище, как всегда, было завораживающее. Свенсон грациозно подскакивал и взмахивал серпом, и после каждого такого взмаха несколько мертвых останавливались и отходили в сторону, теряя интерес к происходящему. Остальные все еще пытались выбраться за ограду, а некоторые — особо настырные — пытались подойти поближе к некроманту. В общем, долго наслаждаться зрелищем нам не пришлось, через несколько минут все зомби были спокойны. Свенсон буднично приказал всем расходиться по местам и спать, что и было сделано покойными со всем возможным старанием. Могильщики, видимо, еще не успели отойти от шока, потому что испуга на их лицах я не заметил. Они только возмущались тем объемом работ, который теперь предстоял — пусть обитатели могил разошлись по местам, но сколько могил теперь придется приводить в порядок!

— Парни, успокойтесь. За сверхурочную работу вам хорошо заплатят, обещаю, — потрясенно констатировал надзирающий офицер. Вот он-то как раз целиком прочувствовал опасность ситуации. — Чтоб я еще раз без оружия на смену пошел... Господин Огрунхай, вам ваша палица больше не нужна?

— Нет. А тебе зачем?

— Я ее укорочу по руке и кольца серебряные на нее надену. Дорого, конечно, но жизнь дороже.

Шеф передал свое покрытое славой оружие жаждущему, оглядел себя и повернулся к нам:

— Так, сейчас быстро по домам. Мне надо переодеться, и тебе, Сарх, тоже. А потом навестим еще раз господина Лайвеса. Ханыга, можешь идти домой, а можешь сразу к Сарху. Но прочитай заключение специалиста и все, что можно, о Фредерике Лайвесе, когда встретимся — доложишь. Собираемся в штаб-квартире. И еще. Не нравится мне этот самопроизвольный подъем. Сдается, неспроста он случился. Мы ведь, по идее, к господину Фредерику должны были только вечером попасть!

— Понять бы еще, что такого важного он нам сказал? — меня все не отпускала мысль, что мы так и не спросили чего-то или не обратили внимания на какую-то деталь.

— Не знаю. Но после беседы с ним мы заинтересовались его семьей, — пробурчал шеф. — Может, этого кому-то не хотелось. В любом случае, слишком много совпадений. Неплохо бы еще раз проверить. Эх, жалко Свенсон совсем вымотался, что-то многовато покойников вокруг нас в последнее время крутится.

— Да я еще два раза по столько могу упокоить! — возмутился подошедший к нам Свенсон.

— Тебя не спросили! А то я не вижу, что ты от клиентов своих уже и не отличаешься почти! Я твой начальник, и я тебе приказываю нанять извозчика и ехать домой спатеньки!

— Возьмите хоть кого-нибудь из университета на всякий случай! — сдался Свенсон, который действительно еле стоял на ногах.

— Очень долго получится. Это прошение надо писать, потом пока рассмотрят в канцелярии, пока ответ получим. Долго, — это Ханыга наконец отдышался. До нынешнего обиталища тролля ему пришлось добираться пешком, мы сегодня были без лошадей. Гоблин, конечно, бегают очень быстро, но все равно удивительно, как он так быстро обернулся.

Троль после такой тяжелой работы сегодня уже больше ни на что не годен. Да и вряд ли нам сегодня придется столкнуться с таким количеством неупокоенных еще раз. Мы со всей возможной скоростью разошлись по домам.

За всеми этими заботами я совсем забыл о нашей новой сотруднице, так что, обнаружив ее в приемной, был удивлен. Она начала вежливо докладывать о том, что посетителей сегодня не было, но заходили господа гномы, которые проводили техническое обслуживание водопровода (тут она с явным уважением на меня посмотрела), что она попыталась разобраться в наших документах, но пока ей не хватает некоторых пояснений, и еще что-то в этом же духе. А я тем временем обдумывал одну мысль:

— Леди Игульффрид, скажите, пожалуйста, вы, как ведьма, умеете чувствовать ложь?

Девушка сначала возмутилась, что ее перебили, и явно набрала в грудь побольше воздуха, чтобы свое возмущение высказать, но потом до нее дошел смысл вопроса и она взяла себя в руки:

— Боюсь, это не совсем мой профиль. Но если немного подготовиться, то да, я почувствую, что разумный говорит неправду. Но только в том случае, если он сам это понимает. Он ведь может быть уверен в своих словах, но они при этом не будут истиной.

— Это я прекрасно понимаю, леди. И в любом случае, для нас это может оказаться очень полезным. И возможно, даже сегодня, — протянул я. — А нет ли у вас каких-нибудь зелий, которые вредят неупокоенным?

— Готовых — нет, — лаконично ответила леди Рагнвер, — но есть несколько рецептов. Приготовить их вам на досуге?

— Как жаль, что мы не знали об этом раньше! Вы их обязательно приготовите, леди, если решите с нами остаться. И знаете что, вы как-нибудь перечислите по пунктам, что вы умеете и какие препараты вы можете приготовить, а то однажды получится, что вы можете помочь, а мы об этом не знаем. Но сейчас не об этом, а о помощи, которая нам от вас сегодня понадобится.

— Мы будем кого-то допрашивать? И почему вам не поможет господин Свенсон? Я слышала, он часто оказывает вам помощь в допросах?

— Дело в том, что он позволял добиться признания от преступника. Или выведать у преступника какие-то сведения. Но в любом случае, мы всегда доподлинно знали, что разумный, которого допрашивает наш патологоанатом, — именно преступник. Сейчас мы в этом совсем не уверены. Мы будем беседовать с семейной парой, и вполне может оказаться так, что они оба не лгут. К тому же Свенсона сегодня беспокоить не хотелось бы, он и так устал. Так что только в крайнем случае.

Барышню явно мучило любопытство, чем же загадочный Свенсон, с которым она даже не успела познакомиться (но о котором уже наслышана!) сегодня таким трудным занимался, но спросить не решилась. Я же отправился наверх — костюм мой действительно пострадал после похода на кладбище. А заодно решил поискать маленький серебряный кинжал, который должен был валяться где-то в куче с остальным оружием. Что-то в последнее время слишком много вокруг нас мертвецов, так что лучше все-таки обезопасить себя, насколько возможно.

За поиском кинжала я скоротал немного времени. Мне хотелось спуститься вниз и пообедать, но, во-первых, еду нужно было еще приготовить, а во-вторых — там была леди Игульффрид. И с ней нужно было как-то общаться, а я не слишком хорошо общаюсь с малознакомыми разумными. То есть, если это какой-то деловой разговор, то все нормально, но вот именно налаживать дружеские или хотя бы приятельские отношения — это для меня трудно. Это вполне терпимое неудобство, и я давно смирился с такой особенностью своего характера, даже как-то научился ее перебарывать. Но сейчас с этим было сложно — глядя на леди Игульффрид, я почему-то вспоминаю о своей надвигающейся свадьбе, и от того мне становится особенно тошно. И, кстати, её саму я тоже явно раздражаю. Так что я решил не осложнять жизнь себе и леди и трусливо остался наверху — очень долго и вдумчиво полировал найденный кинжал. И спустился вниз только когда услышал, как вошел Ханьга. Понятное дело, такое мое поведение вряд ли добавило мне расположения леди, но мне было все равно.

Оказавшись на кухне, приготовил наконец бутерброд с сыром. Ханьга в это время развлекал даму непринужденной беседой. Однако насладиться бутербродом не получилось. Едва я поднес его ко рту, как ввалился шеф, от которого так и несло энтузиазмом и нерастраченной за день энергией. И еще почему-то чесноком — видимо, он успел перекусить дома, в отличие от меня.

— Так, парни, быстренько-быстренько, побежали. Время ближе к вечеру уже, не будем доставлять людям неудобства!

— Шеф, наша стажерка, оказывается, вранье чувствует. Возьмем? — поинтересовался я. Шеф озадаченно уставился на леди Игульффрид.

— Почему бы и нет? На допросах присутствовать приходилось?

— Ну, откуда мне, господин Огрунхай?

— И то правда. Ну, и тем лучше, незамысленный взгляд... Ты готова? Как-то готовиться нужно?

— Я уже приготовилась. — Девушка показала маленький прозрачный пузырек, с чем-то оранжевым внутри. — Нужно выпить за четверть часа до того, как начнется разговор. После этого два часа смогу отличать ложь от правды. Только я слегка неадекватная от этого средства становлюсь. — Она смущенно пожала плечами. — Оно, вообще-то, для другого, а это так, побочный эффект.

— В каком смысле неадекватная? — удивился шеф. — И для чего зелье? Ты давай все подробно, чтоб мы знали, к чему готовиться. И потом, может, его кому из нас можно?

— Нет, это только для ведьм! — она так поспешно спрятала руку с зельем за спину, что я понял — либо не только для ведьм, либо для остальных ядовито. — На обычных разумных вообще непредсказуемо действует, может и отравление быть. Тут учиться нужно сначала. А вообще оно просто чувства все обостряет. В темноте видеть можно, слышать лучше получается. Просто детали мелкие начинаешь замечать, пульс там учащается, зрачки расширяются и тому подобное. В обычном состоянии и не заметишь.

— Хм... — я удивился, — я как-то по-другому все представлял. Это надежно?

— А вы, господин Сарх, думали, я кому-то в голову залезу и все мысли прочитаю? Я думаю, если такие специалисты есть, они не в сыскных агентствах работают, — чуть ехидно заметила она. — Но вы не беспокойтесь, это действительно довольно надежно.

— Ты про неадекватность свою ничего не рассказала, — педантично напомнил шеф.

Девушка тяжело вздохнула и с явной неохотой призналась:

— Могу нагрубить. Сильно. Когда что-то раздражает, в этом состоянии очень трудно терпеть.

Шеф расхохотался:

— Ты, главное, на тех, с кем разговаривать будем, не накричи, больной человек все-таки.

А мы уж как-нибудь переживем.

— Нет, если для дела, то я сдержусь. Вот потом...

Шеф, все еще хихикая, махнул рукой — пойдём, дескать, и первым вышел на улицу.

За пару кварталов до места шеф велел девушке готовиться. Она опустошила пузырек и с этого момента шла молча, не глядя по сторонам. Когда мы вошли во двор, она неожиданно остановилась:

— Кладбищем пахнет.

— Что? — удивленно переспросил Ханьга.

— Пахнет кладбищем. Господин Огрунхай, не дышите в мою сторону, вы мне своим чесночным амбре мешаете, — вежливо попросила ведьма. — Тут что, кто-то недавно умер?

— Да вроде нет, — смущенно процедил шеф, не открывая рта и отходя на пару шагов.

— Не нравится мне здесь. Болезнью пахнет, но не сильно. И кладбищем. Кладбищем очень сильно. Как будто кто-то умер и не похоронен. Пойдемте быстрее, — неожиданно закончила она.

Шеф пожал плечами и подергал шнурок дверного колокольчика. Потом у меня возникло ощущение, что несколько событий произошло одновременно. Открылась дверь. Игульффрид выдохнула: «Она мертва!» Супруга господина Лайвеса исчезла из дверного проема, а шеф, который стоял у двери, с криком отлетел куда-то в темноту. Только после этого до меня дошло, что никакого разговора, пожалуй, не получится. А получится хорошая драка.

Я прыгнул куда-то вбок — как оказалось, правильно, потому что там, где я стоял, оказалась проворная мертвая леди. Задержалась на мгновение и переключила свое внимание на гоблина, который уже успел достать свой кинжал, толку от которого, правда, совсем не ожидалось. Я крикнул, попытавшись отвлечь внимание на себя, и прыгнул в сторону взбесившейся нежити, сжимая в руках свой смешной, почти игрушечный серебряный кинжальчик. Ханыга, на удивление, проворно уклонился, одновременно взмахнув кинжалом. Очень удачно, женщина остановилась на целую секунду и уставилась на свою руку, на которой теперь не хватало нескольких пальцев.

— Дайте мне минуту! — это закричала Игульффрид, убегая куда-то в сторону, противоположную той, куда улетел шеф. Чем, конечно, обратила на себя внимание нежити. Хорошо, что я за выигранное Ханыгой время успел добежать до нападавшей и даже ударил ее своим кинжалом. Удар, конечно, не получился — она уже сориентировалась, и ей почти удалось увернуться, но все-таки самым краешком я нанес неглубокую рану, скорее даже царапину. Однако это подействовало гораздо лучше, чем вроде бы более результативный удар гоблина. Тварь зашипела и отскочила от меня, и одновременно раздалось неприятное шипение от того места, где ее коснулся кинжал. Запахло паленым мясом.

Менее качественно сделанной нежити этого бы хватило, но мы явно столкнулись с работой профессионала. Через некоторое время она пришла в себя и побежала в сторону ведьмы, попытавшись обогнуть меня. И ей бы это удалось, если бы не подоспел Ханыга. Он просто врезался в нее с разбега и своим кинжалом рубанул куда-то под колено твари. К сожалению, масса у гоблина совсем не та, что у шефа, так что сбить ее с ног у него не получилось. Но механическое повреждение сухожилий возымело эффект — тварь изрядно убавила в скорости. Гоблина, правда, это не помогло — он с большой скоростью врезался в стену дома. Мне показалось, что я даже услышал хруст костей, но проверять было некогда. Я навалился на покойницу и начал бить ее своим кинжалом — прежде всего, стараясь попасть по конечностям. Я успел дважды полоснуть по ногам, пока меня не отшвырнули. К счастью, на моем пути дома не было, так что летел я дальше, но приземлился удачнее, на мягкую травку. Правда, мне она мягкой в тот момент совсем не показалась — на землю я плюхнулся не слишком удачно, плашмя, и, чтобы вздохнуть, потребовалось время и определенные усилия. Правда, я не стал валяться, ожидая, когда у меня получится, и вскочил еще до того, как оклемался. В нескольких метрах от меня тварь целеустремленно (и очень, очень шустро для такого неудобного способа передвижения) ползла в ту сторону, куда убежала ведьма. Добежать до нее повторно я не успел — и слава всем богам, потому что в той стороне, куда она так стремилась, что-то сверкнуло, и трава вокруг нежити взметнулась вверх и оплела её так, что непонятно было, где там голова, а где ноги, если бы я не знал этого заранее. Пока тварь корчилась, пытаюсь вырваться (у нее получалось, и еще как!), я все-таки добрался до нее и несколько раз ударил в основание шеи. Это не упокоило ее, но окончательно лишило подвижности. Оставив, на всякий случай, нож в теле твари (вдруг у нее раны зарастают), я отправился оценивать потери.

К Ханыге я подходил медленно, боясь увидеть, что ему уже не помочь. И еще раз возблагодарил богов, когда увидел, что ничего непоправимого не случилось. Правда, у него была сломана левая рука, из нее торчала кость. С левой ногой тоже было плохо — она была вывернута под прямым углом. Но он был в сознании, а значит, ничего непоправимого не случилось. У меня с собой было средство, облегчающее боль. Я засыпал немного ему в рот, и гоблин, скривившись, глотнул.

— Извини, запить нечем, — прохрипел я. — Сейчас остальных найду, и мы тебя как-нибудь поудобнее устроим.

Ханыга кивнул. Мой порошок уже начал действовать, и его явно потянуло в сон. Шефа разыскивать не пришлось — он уже появился в освещенном круге, ошалело мотая башкой.

— Я все пропустил, да? — поинтересовался он. — Дьявол, как все болит. Чем это она меня?

— Шеф, это все потом. Ты Игульффрид не видел?

— Откуда? Я только очнулся.

— Тогда ты помогаешь Ханыге, а я ищу ее.

Огрунхай только теперь обратил внимание на плачевное состояние гоблина и с недовольным ворчанием побрел к нему. А я пошел в ту сторону, откуда несколько минут назад прилетела молния.

Леди Игульффрид я нашел не очень далеко, под каким-то плодовым деревом. Может быть, яблоней, я не настолько разбираюсь в этом, чтобы, не видя плодов, угадать. Вид у ведьмы тоже был нездоровый. Она лежала без сознания, привалившись к стволу, и из носа на траву у нее капала кровь. Я осторожно похлопал ее по щеке, от чего даже на секунду потерял сознание от боли. Не от того, что сам похлопал, конечно, а от того, что она меня в ответ тоже хлопнула. Нет, я понимаю, непроизвольная реакция, можно было ожидать, это со многими так бывает. Но так сильно? Ухо у меня онемело и, похоже, твердо вознамерилось распухнуть, а из глаз непроизвольно брызнули слезы. Однако от комментариев я воздержался:

— Леди, вы идти в состоянии? — спросил я.

— Сейчас буду в состоянии. — Она обхватила дерево одной рукой и зажмурилась. Я с интересом посмотрел, как в ее лицо возвращается краска, и, дождавшись, когда она откроет глаза, поинтересовался:

— А вы случайно лечить не умеете?

— Сейчас я все поправлю, — кивнула она. — Вероятно, хрящ сломала. Извините.

— Да духи камней с ним, с ухом. Там у Ханыги переломы и Огрунхай как-то нездорово выглядит.

Девушка охнула и побежала к дому. Опасливо обойдя по широкой дуге травяной кокон с торчащим из него кинжалом, она подошла к шефу и Ханыге и гневно прикрикнула на первого, чтобы он прекратил калечить бедного гоблина. Шеф удивленно уставился на свои руки, в которых он держал кусок расщепленной доски, оторванной им же от дома, который он приматывал к ноге гоблина.

— Ну как же, я фиксирую перелом! — возмутился он.

— Не нужно ничего фиксировать, господин Огрунхай, разматывайте обратно. Так... Господин Сарх, встаньте рядом с ними, пожалуйста. Господин Огрунхай, отвернитесь, от вас все еще омерзительно разит чесноком, это невыносимо.

Шеф плюнул на вежливость и высказался в том духе, что больше он никогда чеснок есть не станет и что всякие чувствительные дамы доведут его до могилы и катастрофического недоедания. Леди явно постаралась запомнить некоторые особенно интересные выражения, да и я оценил красоту сказанного. Я выполнил указания девушки и стал ждать, что будет дальше. Она опять закрыла глаза и начала перечислять:

— Так... сотрясение мозга, открытый перелом левой руки, закрытый перелом пяти ребер, разрыв селезенки, перелом левой ноги со смещением, ушиб легких, многочисленные гематомы... Так, дальше... Закрытая черепно-мозговая травма, кровь накапливается...

Других повреждений нет... Так... сотрясение, перелом трех... нет, четырех ребер, ушиб легких... перелом хрящей уха. — Она открыла глаза:

— Господин Огрунхай, лечить вас я не смогу. Только остановлю на время истечение крови в мозг. И вам нужно срочно обратиться к квалифицированным медикам, лучше эльфийским. Ну, это ко всем относится.

Она заставила шефа нагнуться и стала сосредоточенно водить руками у него над головой. Потом потрясла ими и повернулась к гоблину, который предыдущую сцену пропустил — спал под действием моего зелья.

— Хорошо, что вы убрали ему боль, потому что сейчас я вправлю ему переломы, а это больно. И внутреннее кровотечение остановлю.

Излечение гоблина заняло гораздо больше времени, и зрелище было куда более впечатляющим. Кости на руке щелкали, из раны пару раз выплеснулись сгустки крови. Потом, то же самое с ногой. И еще немного поводить руками в районе торса. Кажется, все.

Перед тем, как приступить ко мне, девушка отдыхала вдвое дольше — по-видимому, растратила много сил. Я раскрыл рот, чтобы сообщить, что до лекарей вполне дотяну и без ее помощи, но она так зыркнула, что я счел за лучшее промолчать. Впрочем, сеанс работы со мной не занял у нее много времени. После того, как это закончилось, мне пришлось немного откашляться кровью, но дышать стало гораздо легче.

— Вы действительно могли бы и потерпеть, господин Сарх, но вы же захотите сначала передать некромантам нашу пленницу, правильно? А я пока провожу этих господ к лекарям.

Я, к стыду своему, совершенно забыл о пленнице, но как только вспомнил, во мне сразу проснулась жажда деятельности.

— Эм-м, леди, вы не могли бы убрать траву? Мне бы не хотелось ее оставлять здесь без присмотра, но я думаю, что я вполне в состоянии донести ее до дома Свенсона самостоятельно.

— Тогда выпейте еще вот это, — она протянула мне еще один пузырек, — боль совсем не уберет, но зато и сонливости не будет. В противном случае, с вашими сломанными ребрами вам будет тяжело это проделать.

Я с благодарностью принял лекарство, а девушка, отвернувшись от меня, аккуратно взяла гоблина на руки. У нас с шефом отвалились челюсти.

— Девочка, тебе не кажется, что мне сподручнее будет?

— Вам нельзя, господин Огрунхай. Никаких лишних усилий, а то кровотечение снова откроется и вы просто свалитесь. А вот вас я точно не донесу. Чем это вас так?

— Да там дерево, — пробормотал шеф и смущенно добавил: — Было...

На этом мы расстались, и присоединился к товарищам я только после того, как вручил немертвую Свенсону. Не знаю, насколько мне помогло обезболивающее средство, но дорогу до дома тролля я помню не очень хорошо. Он, кстати, был очень удивлен внезапным визитом и доволен, конечно. В дом он меня, конечно, не пустил — все еще боится, что кто-нибудь узнает его страшную тайну, но, определив груз в подвале, великодушно согласился проводить меня до лекаря. Закинул мою руку себе на шею и повел. Ну, если честно, то практически понес. И всю дорогу сокрушался, что не пошел с нами — дескать, если бы он там был, таких последствий не случилось бы.

— Да кто мог знать, Свен, что все так получится. Стрела дважды в один сучок не попадает, — припомнил я оркскую пословицу (кстати, повод для насмешек кичливых эльфов, у них-то и дважды, и трижды, и сколько угодно раз может попасть). Но наш патологоанатом

оставался непреклонен в своем самобичевании. И это он еще не видел Ханьгу!

Ханьгу он так в тот день и не увидел — лекари не пустили, сказали, что тот все равно спит. Так что общаться, выслушивать объяснения и указания ему пришлось от шефа, потому что меня лекари тоже сразу же увели. Ну и правильно, шеф знает, что и как нужно сделать.

Утром я проснулся свежим и отдохнувшим. От переломов явно не осталось и следа, дышалось легко. Даже пострадавшее ухо совсем не болело — с него уже почти сошла желтизна. Лекарей в столице много, и дело свое они знают. Комната меня тоже удивила — совсем маленькая, но очень уютная. И очень странная — создавалось впечатление, что находишься внутри дерева. Стены, пол и потолок целиком из дерева, плавно переходят друг в друга, стыков нигде не видно. Может, и правда дерево? Тем более, кое-где из стены торчали живые листочки. Очень странно, тем более что коры-то как раз не наблюдалось. Однако дверь здесь имелась, и вполне традиционная, сделанная из досок и висящая на металлических петлях. Несмотря на то, что все листочки очень зеленые, освещена комната была очень скудно. Непонятно, как это получается? Мне ли не знать, как выглядят растения, которым не хватает света! Видеть можно было только благодаря маленькому круглому окошку, даже, скорее дуплу, не закрытому ни стеклом, ни чем-то еще. Наверное, зимой тут не слишком тепло. Свою одежду нигде поблизости я не нашел, на спинке кровати висела кокетливая пижама в цветочек, в которую я и облачился. Интересно, откуда такое?

Сокрушаться по поводу отсутствия одежды было бессмысленно. И спросить не у кого. Поэтому я вышел из комнаты и оказался в довольно узком и извилистом коридоре. Это что, правда, живое дерево? Тогда оно должно быть просто огромным, тем более что коридор тянется довольно далеко. Я дошел до ближайшей двери и осторожно заглянул. К счастью, там оказался шеф — не знаю, что бы я говорил, если бы там был какой-то незнакомый мне пациент. Шеф красовался почти в такой же пижаме, как и я, только цветочки были розовые, а не желтенькие, как у меня. Я с трудом удержался от смеха.

— И чего ты так улыбишься? Думаешь, ты выглядишь приличнее? — мрачно поинтересовался орк.

— Думаю, что нет, — согласился я. — А ты не знаешь, как нам раздобыть нормальную одежду?

— Знаю. Просидеть здесь еще восемь часов, тогда нам ее и так выдадут. А это издевательство нам дали для того, чтобы мы не сбежали раньше времени. Очень остроумно!

— Ну, я действительно вряд ли решусь на побег вот в этом. Если бы еще необходимость какая была, а так... Как там Ханьга?

— Бодр, весел и одет в такое же безумие, как и у нас. Только у него не цветочки, а единорожики. — Шеф скривился так, будто съел лимон, и явно с трудом удержался от того, чтобы сплюнуть. Похоже, его очень оскорблял наряд, который нас заставили надеть.

— А чего ты не у него?

— Да он спит еще, ему серьезно досталось. Скажи мне вот что, лейтенант. Ты чего-нибудь понимаешь?

— Если ты про то, как вся эта ерунда связана с Миграционной службой? — сразу догадался я.

— Именно об этом.

— Абсолютно не понимаю. Вероятнее всего, госпоина Ингвара прикончила покойная. И работал он на нее. Точно это выяснит Свенсон, я надеюсь. Может, и еще какие-нибудь сведения добудет. Знаешь, нам бы не помешало сейчас иметь какие-то официальные полномочия. Направить в Миграционную службу десяток стражников из тех, кто поопытнее

и имеют шанс не утопнуть в ворохе бумажек. С обыском и полномочиями. И чтобы все там перетряхнули. Просто рук не хватает, если честно.

Далее на все вопросы шеф отвечал так же односложно, но мне удалось выяснить, что лечится здесь он не в первый раз, поэтому знает, что, во-первых, даже если удастся сбежать — найдут и вернут на место. Что это действительно дерево, причем специально выведенное, которое благотворно влияет на всех без исключения пациентов, помогает им восстановить силы, а листики в каждой палате насыщают воздух именно теми веществами, которые нужны пациенту в данный момент. Но раз мне было позволено выйти из моей комнаты, значит, мой «срок заключения» уже подходит к концу.

Я предположил, что, вероятно, мне в таком случае можно уж и совсем быть свободным, но шеф кисло посоветовал мне сообщить об этом кому-нибудь из врачей, если найду. Дескать до того момента, как придет время отсюда выходить, никого из медиков я здесь не найду, как и выхода из лечебницы.

От избытка энергии я все-таки прошелся по странному дому — и максимум, чего я добился — это нашел палату, в которой до сих пор мирно дрых гоблин. Беспокоить его я не стал. Однако на выходе из нее со мной случился конфуз — я встретил леди Игульфрид.

Девушка одарила меня кривой улыбкой, потом отвернулась и приглушенно закашлялась — явно скрывала смех.

— Не мучайтесь, леди, — великодушно разрешил я. — Я и сам понимаю, что это смешно, да вот поделаться ничего не могу.

— Простите, Сарх, я должна была сдержаться, — все еще хихикая, повинулась ведьма. — И за ваше ухо тоже простите, я не хотела вас травмировать.

— Да нет, нормальная реакция. Я должен был быть готов. К тому же я не принадлежу по крови к эльфам и не так ревностно отношусь к своим ушам, как ваши соплеменники.

— Ну, я тоже не до конца принадлежу, — она пожала плечами и неожиданно сменила тему: — Знаете, я решила, что у вас на службе мои способности найдут самое полное применение. Так что у меня просьба — забудьте мои возражения насчет должности секретарши.

— Ну, леди, у нас все-таки главный — господин Огрунхай, но если он спросит мое мнение — вы испытательный срок прошли досрочно. Без вас мы бы не справились у господина Лайвеса, это уж точно.

Девушка покраснела — похвала ей польстила. Но она упрямо поджала губы и продолжила:

— Я сегодня навестила господина Свенсона. Он обещал предоставить результаты допроса кому-нибудь из вас лично. Однако судя по тому, что Миграционная служба временно прекратила свою работу, потому что стражников там сейчас больше, чем когда-либо работало сотрудников, и потому, что половина сотрудников вместе с семьями под домашним арестом, а половина уже с ночи находится в башне стражи, эти сведения довольно серьезны. Я догадываюсь, что все это связано с нашей деятельностью.

— Вы правильно догадываетесь, леди. Эх, как же мне необходимо отсюда выбраться! Что же он такого узнал?

Барышня скорчила недовольную рожицу и пожала плечами, дескать, сама от любопытства места себе не находит.

— Извините, что спрашиваю, Сарх, но все-таки... — девушка замялась: — Вы ведь работаете на императора, так? — я не успел ответить, и она торопливо продолжила: —

Просто вчерашнее происшествие — это ведь не похоже на какое-то бытовое расследование. И стража так просто не зашевелится. Это ведь была не обычная нежить, я все-таки могу отличить. Я выяснила, что вам уже пришлось сражаться с немертвыми в этот день. Это письмо самоуничтожившееся с направлением... И потом, я вас вспомнила — вы были в приемной императора, когда я тоже там была. Поэтому я хочу понять — чем именно вы занимаетесь и что за расследование проводите? Это не праздный интерес, я уверена, что смогла бы принести гораздо больше пользы, если бы знала, где конкретно она требуется.

Я тяжело вздохнул. Барышня явно навоображала себе что-то ужасно романтическое и теперь горит энтузиазмом. С другой стороны, экзамен шефа она выдержала. Правда, экзамен так себе оказался, уж очень жирную подсказку мы ей подкинули, да еще в первый же день.

— Леди, вы кругом правы. Я чувствую себя уже совсем здоровым, и, если вы похлопчете перед лекарями, чтобы меня выпустили, возможно, смогу дать некоторые пояснения.

Леди Игульффрид исчезла со скоростью, достойной восхищения. А через пять минут я уже с удовольствием натягивал на себя свою привычную одежду, а леди Игульффрид, отвернувшись к стене, подпрыгивала на месте от нетерпения. Оказавшись за пределами больницы, я направился в сторону дома Свенсона, а по дороге продолжил:

— Мы действительно работаем как сыскное агентство, и нам действительно нужен секретарь. В том сгоревшем документе, о котором вы вспоминали, было дано указание принять вас на работу секретарем. Открывать ли вам некоторые другие аспекты нашей деятельности, или нет — оставлено на наше усмотрение. Я заранее догадываюсь, что вы на это скажете, но все-таки считаю необходимым предупредить вас — деятельность наша довольно опасна, как вы могли сами заметить, и особой поддержки от императора мы не получаем. Просто в целях конспирации. Если вы не считаете это достаточными аргументами для того, чтобы остаться работать секретарем, то я продолжу. Если считаете, то мне лучше будет на этом замолчать.

— Конечно, не считаю! Я о таком и просила дедушку и императора! Ни за что!

— Что ж, леди, я не удивлен. Тогда, скажем так — детективное агентство, это, скорее, легенда, позволяющая нам без особых проблем заниматься расследованием того заговора, о котором вы не могли не слышать.

— Но заговор раскрыт!

— Это не совсем так. Заговорщикам помогали. И финансово, и магически. И те, кто им помогал, остались неизвестными и непоиманными. Наша задача — разобраться, кому и с какой целью понадобилось совершить переворот в стране.

Аккуратные девичьи уши покраснелись и даже зашевелились — так ей было интересно. Я не стал обманывать ожидания — всю дорогу до Свенсона пересказывал в подробностях события последних нескольких месяцев и выводы, которые мы из них сделали.

Троль, когда меня увидел, довольно потер руки.

— Наконец-то! У меня такие горячие новости, что аж руки жгут. Слушай, что я выяснил. Изолятор пуст, хотя по документам там должно находиться больше двух сотен разумных. Их всех куда-то отправляли. Занимался этим покойный господин Ингвар. Его уже никак не допросишь, очень тщательно упокоили. Покойница, которую ты мне любезно доставил, не знает, куда он их переправил, она передавала ему приказы и деньги, которые неведомым образом появлялись у нее на банковском счету. Счет был открыт на третье лицо, человек ни о чем не подозревает, его уже проверили. Так что тут глухо. Но подожди расстраиваться, это

еще не самое интересное, — торопливо затараторил наш обычно флегматичный патологоанатом. Я выяснил, кто ее поднял!

И наш чудесный патологоанатом рассказал интереснейшую историю о том, что покойная была убита и воскрешена неким магом. Ему даже удалось изъять образ этого мага и передать магам, которые воплотили изображение. Маг оказался эльфом. Немедленно были опрошены главы всех эльфийских родов, причем допрошены в присутствии императора и нескольких профессиональных магов. Все они поклялись, что этот разумный не принадлежит к их семьям. Эльфов-одиночек в империи нет (их нигде нет, вообще-то).

— Вывод, если я правильно понимаю, к чему ты клонишь, напрашивается сам собой — это некий засланец, шпион, из заграничных кланов эльфов, и именно он мутит здесь воду, так?

— Ну, вот видишь, тебе это тоже пришло в голову! Остается, правда, такая возможность, что это один из наших — изображение получилось все-таки не идеальное, потому, что после того, как мертвая получила инструкции, больше она его не видела.

— Слушай, Свенсон, — мне пришла в голову новая мысль, — а ведь насколько я знаю, для того, чтобы поднять такого качественного мертвеца, сильного, быстрого, сообразительного, не боящегося ни солнца, ни храмов богов, нужна прорва жертв, правильно?

— Правильно. Жертвы в данном случае исчисляются десятками. Если считать, что таких мертвецов было как минимум двое — около сотни. Значит, либо есть еще такие, либо разумные понадобились для чего-то еще. Я вообще первый раз такое вижу. До своей смерти эта дама была неплохим лекарем, а после — все ее способности получили знак минус. Ведь если ты еще не догадался, то позавчерашнее массовое разупокоение было вовсе неслучайным. Это она его устроила. Фредерика Лайвеса решила устранить, чтобы он не сболтнул лишнего.

— Точно! А мы поперлись прямо на кладбище, вместо того, чтобы, как положено, дожидаться окончания рабочего дня, и все ей испортили.

— Да! Эту немертвую еще изучать и изучать. Я уже перенес ее в исследовательский институт. Печально, конечно, что женщина мучается — ведь дух ее по-прежнему находится в теле и все осознает, но тут даже император осознал, как это важно, и выделил нам достаточно времени на исследования. — Радость от предстоящего захватывающего исследования, похоже, с лихвой перекрывала у тролля муки совести. — Жаль только применить эти знания мы не сможем. У нас такое запрещено — вздохнул тролль. — Да, может, это и к лучшему.

— Значит, перед тем, как поднять эту даму, он замучил несколько десятков разумных. Сколько времени она уже в таком виде ходит?

— Около трех месяцев, я думаю.

— Значит, три месяца назад пропали несколько десятков разумных. Хм-м. Этот вопрос необходимо прояснить. У тебя его изображение есть?

— А как же, знал ведь, что ты попросишь.

Он скрылся где-то в недрах своего дома.

— А почему нам нельзя пройти в дом? — невинно поинтересовалась девушка. — И отчего такой странный запах?

Пахнет у Свенсона действительно непривычно для тех, кто не знает о его тайне. Воздух в доме очень сухой и холодный, и немного отдает тленом. Не гнилью и плесенью, а именно

тленом. Нельзя назвать этот запах неприятным, только необычным.

— Это долгая история, леди. У каждого из нас есть свои скелеты в шкафу, и господин Свенсон не исключение. Как-нибудь потом я вам расскажу. Или кто-нибудь из наших коллег. Сейчас не до того. Но вообще — это тайна, и, наверное, действительно страшная. Только не спрашивайте ничего у самого Свенсона.

Девушка удивленно хмыкнула, но вопросов задавать не стала. Охота вам, дескать, таинственность нагонять. Тут вернулся Свенсон и протянул мне изображение. Признаюсь честно, в первый момент я его чуть не выронил. Будто пыльным мешком из-за угла стукнули.

— Свен, ты ничего странного здесь не заметил?

— Нет, с чего бы? Обычный эльф. Прическа странная, но сейчас многие отходят от традиций.

— Да, действительно. Откуда тебе знать. — Я с трудом заставлял себя дышать. — У меня-то такой косы уже не было, когда я здесь появился. Свен, это ведь традиционная прическа.

Трольль никогда не жаловался на отсутствие сообразительности. Глаза его резко увеличились в размерах.

— Сарх, ты что, хочешь сказать... Это твой соплеменник? Он что, сид?

— Вот именно. Это мой, подери его все боги и демоны, соотечественник. Слава богам, хоть не лично знакомый. И знаешь, что это значит? У нас серьезные проблемы. У меня серьезные проблемы.

— Сарх, подожди, ты точно уверен?

— Настолько, насколько вообще можно быть в чем-то уверенным. Посмотри — у него ушные раковины другие. И черты лица. — Я с трудом справлялся с истерикой. — И это боевая коса. Вот здесь, здесь и здесь отравленные лезвия. Хочешь, руками доставай и коли, хочешь, башкой мотай. Боевой маг сидов! Он же абсолютно безумен, я ведь это точно знаю. Я сам хотел когда-то в маги пойти, да родители не позволили. Ты же знаешь, меня изгнали из рода, теплых чувств я к ним не испытываю. Так вот, за то, что не позволили стать магом, я им до сих пор благодарен. Он абсолютно непредсказуем, потому что сам не знает, что придумает в следующий момент.

Трольль наконец не выдержал и хорошенько съездил мне по затылку. Помогло, я слегка успокоился.

— Спасибо. Мне нужно к шефу и Ханьге. Леди, пойдете скорее.

Махнув рукой леди Игульффрид, я почти бегом побежал обратно к лекарям.

Спорить с лекарями — то еще удовольствие. Навестить коллег — пожалуйста, никаких противопоказаний. Отпустить их пораньше — ни в коем случае! А будете так сильно нервничать, и вам тоже придется у нас задержаться. Нервное истощение — штука опасная. Пришлось соглашаться — обсудить ситуацию с коллегами было просто необходимо. Ханьга до сих пор спал, и будить его нам не позволили. Пришлось общаться с шефом.

Выслушав мои новости, орк начал нарезать круги по своей комнате:

— Ты этого своего соотечественника так описываешь, будто он какой-то монстр и мы все ему в подметки не годимся.

— Шеф, дело не в том, что не годимся. Но смотри сам — он устраивает пакость — мы расхлебываем последствия. И эту пакость еще заметить надо! Пока нам везло, но надолго ли?

— Ну, теперь-то мы знаем, кого искать. Вот и будем искать. Императору уже все

доложили.

Я замялся:

— Все, кроме того, что это мой бывший сородич.

— Так чего ждешь? Давай быстренько, или вон девчонку отправь.

— Шеф, а ты уверен, что мне позволят дальше работать?

Огрунхай резко остановился:

— Подожди... Ты что, думаешь, ты под подозрение попадаешь только из-за того, что у вас уши похожие? Нет, ты чего, серьезно? — и он расхохотался. Не просто расхохотался — он ржал долго и ужасно обидно.

— Ладно, я даже не стану это комментировать. Игульффрид, быстренько ноги в руки — и к дедушке. Расскажешь все, что услышала, пусть донесет эту весть до императора самостоятельно. Хотя стоп, погоди, останься пока тут. Лейтенант, у меня к тебе такой вопрос: что бы ты сделал на его месте, если бы организовывал заговор и он у тебя провалился?

— Шеф, я ведь не маг. Я же говорю, он абсолютно непредсказуем. И потом, все зависит от того, зачем этот заговор нужен. Но если предположить, что все это затевается для того, чтобы дестабилизировать обстановку... Смуту там посеять... Император ведь еще не назначил преемника? — Я вовремя вспомнил, что власть в империи не наследуется обычным способом. Я где-то слышал, что преемника назначает сам император на случай своей скоропостижной кончины. Этот разумный, сразу после того, как его назначат, полностью изолируется от общества, практически его держат в неволе. Делается это для того, чтобы исключить возможность участия назначенного лица в каких-то заговорах. С момента назначения этот разумный общается только с императором — такова традиция. Даже еду ему носит сам император, а также сообщает обо всех своих решениях, важных событиях, снабжает копиями подписанных документов. Незавидная участь, тем не менее, чрезвычайно почетная. Даже если учесть, что не всякий наследник переживает своего предшественника.

— Император назначает преемника сразу после того, как вступает на трон. Но мыслишь ты логично. Покушение.

— Господа, я прошу прощения, что прерываю вас, но у меня сведения, относящиеся к делу. Об этом не сообщалось, и вы в любом случае не могли этого узнать, потому что пребывали здесь. Наследник вчера скоропостижно скончался. Врачи не успели ему помочь, у него случился разрыв сердца. Так что преемника на данный момент действительно нет.

Вот так. Началось. Ни за что не поверю, что эта смерть — случайна. По глазам шефа я понял, что он — тоже.

— Так, Сарх, отправляйся во дворец, забей на завтра время у императора. А ты, Игульффрид, заскочи к Гриахайе, пусть она скажет, сколько сейчас без вести пропавших и где их больше всего.

Обычно для того, чтобы попасть на аудиенцию к императору, нужно заранее подать прошение. Его будут рассматривать какое-то время (зависит от личности пожелавшего встретиться с императором). По понятным причинам, если просьба о встрече исходит от нашей компании, у нее имеется приоритет, но все равно, аудиенцию могут назначить только на следующий день. Но в этот раз все было иначе. Как только я появился на пороге канцелярии, один из клерков, поздоровавшись со мной кивком, велел ждать здесь, а сам убежал куда-то в недра дворца. Через пару минут в комнате появился дворцовый стражник, нашел меня взглядом и велел следовать за ним. Постаравшись скрыть удивление, я поспешил

выполнить указание.

— Наконец-то! — проворчал старый призрак, как только я вошел в кабинет. — Мы ждали, что кто-нибудь из вас заявится сразу, как его отпустят лекари! Почему так долго?

— Приношу свои извинения, но до того, как открылись некоторые подробности, мы не видели в этом необходимости.

— Ничего себе! Всю команду выводит из строя какая-то неизвестная науке нежить, а для них это не повод доложить! Знаете, лейтенант, если бы я не был в вас так уверен, я бы подумал, что это саботаж. Не важно, вы уже слышали, что нам удалось отчасти исправить ваши недоработки. К делу. Докладывайте, чего мы еще не знаем.

Я постарался как можно подробнее описать недавние события и те выводы, к которым мы пришли. Ни император, ни его советник не имеют привычки демонстрировать свои эмоции, но по виду Оттиля, дедушки нашей леди Игульфрид, который тоже присутствовал на моем докладе, я понял, что многое из услышанного для них стало сюрпризом. Особенно всех заинтересовали сведения о том, что в империи появился мой бывший сородич.

— Скажите, лейтенант, — спокойно спросил император, когда я закончил, — для вас не станет проблемой тот факт, что отныне вам придется охотиться на своего соплеменника? Если вы испытываете неудобства, лучше скажите об этом сейчас. Поймите меня правильно, я не подозреваю вас в предательстве, — добавил он, по-видимому, заметив, как у меня вытянулась физиономия, — но мне вовсе не хотелось бы заставлять вас действовать вопреки своим принципам. Это в любом случае не принесет нам пользы и может даже навредить делу.

Я вздохнул, собираясь с мыслями.

— Ваше императорское величество, вам, несомненно, известна история моего появления здесь?

— Это так.

— В таком случае, вы понимаете, что я не испытываю добрых чувств к своим бывшим соплеменникам. Я не желаю им зла, но абсолютно не согласен с политикой, которую претворяет в жизнь моя матушка, и не считаю, что эта политика принесет благо народу, к которому я когда-то принадлежал. В любом случае, теперь для меня ближе империя. Хотя бы потому, что больше меня нигде не ждут. И мне хотелось бы жить здесь спокойно.

— Что ж, вы достаточно прозрачно описали вашу позицию. Я рад, что вы будете заниматься этим делом. Не только потому, что вы отличный сыщик, но и потому, что вам одному известно хоть что-то о диверсанте.

— Да. Мне известно достаточно, чтобы понимать, что вы в большой опасности. Покушение на вас можно ожидать в любое время, и я вовсе не уверен, что усилий вашей охраны будет достаточно, чтобы сделать его неудачным.

— Ну, не стоит так плохо думать о моей охране. Но я понял, что об этом стоит озаботиться. Знаете, давайте расстанемся с вами до завтра. А завтра ваши коллеги, я надеюсь, уже смогут к нам присоединиться, да и мы с моими советниками все еще раз обсудим. Ну а при встрече попробуем вместе выработать стратегию охоты и защиты. И передайте мое приглашение леди Игульфрид и господину Свенсону. Кстати, вы довольны помощницей?

— Более чем, ваше величество. Она с нами короткое время, но уже оказала неоценимую помощь.

— В таком случае, завтра заодно присвоим ей звание и примем присягу. Не смею вас

больше задерживать.

Я поклонился и вышел.

Шефа отпустили уже к вечеру, и он не пошел домой, а завалился ко мне, мотивировав это тем, что дома слишком хорошо, чтобы думать о работе, да и во дворец идти дальше, чем от меня. Выслушав новости, он задумчиво постучал пальцем по правому клыку. Глотнул пива. Почесал затылок.

— Что будем делать, Сарх? — наконец спросил меня шеф, после того как кувшин с пивом занял свое место на столе.

— Не знаю. Но если бы это зависело от меня, я бы советовал императору убраться из столицы. Здесь маг его достанет точно. Я не знаю, как, но достанет. Да, духи камней, я удивлен, почему до сих пор не попытался.

— Императора охраняют — пожал плечами шеф. — Его охраняют маги, шаманы, солдаты, в конце концов. Его охраняет Старик. Почему ты думаешь, что ему это удастся?

— Ты и сам в этом уверен. Преемника ведь он достал. Он уже изучил местность, так что лазейку рано или поздно придумает.

— Хорошо. Но не кажется ли тебе, что если император начнет скрываться где-то еще, демонову магу будет легче до него добраться?

— Не знаю, может быть, — пробормотал я. — Это все нужно хорошенько обдумать. Нужно что-то неожиданное и нестандартное. Нужно заставить его поторопиться и совершить ошибку. Подловить его можно только так.

Мы еще долго спорили, но так ни к чему и не пришли. А утром, на аудиенции, выяснилось, что все уже решено без нашей помощи. И даже примерно так, как я предлагал накануне шефу, правда, с небольшими дополнениями.

Сегодня для того, чтобы попасть к императору, понадобилось гораздо больше времени. Нас осматривали маги и шаманы, даже взяли по капле крови, и мы около часа ждали, пока ее не проверят. Когда, наконец, мы оказались в кабинете императора, он начал без предисловия и совсем не с того, что я ожидал.

— Господа. Вы уже не раз доказывали свою эффективность, как команда. Вы хорошо справляетесь с нестандартными расследованиями, и будь у меня такая возможность, каждый из вас уже получил бы достойную награду за свои старания. Мне, признаться, до сих пор неловко, что в последний раз мы использовали ваши способности, не раскрыв всех обстоятельств дела. Я решил, что в этот раз будет лучше, если вы будете в курсе всего плана. Считайте, что я принес свои извинения.

Мы были изрядно удивлены — особенно леди Игульффрид, которая, конечно, не знала всех подробностей последней истории и явно теперь мучилась от неудовлетворенного любопытства. Шеф тут же заверил, что наша цель — служить империи и императору, и мы с пониманием относимся к тому, что всех секретов не знаем. И что мы довольны уже тем, что наша служба устраивает его величество

— И с наградой мы тоже не в претензии, подождем до лучших времен, — скромно вставил Ханыга. Гоблин не любит пафосных речей и всегда готов испортить таковую каким-нибудь комментарием. Иногда его бесстрашие меня поражает — у нормальных представителей его народа чинопочитание очень развито. Впрочем, тут собрались не слишком нормальные индивидуумы, не исключая императора, который не только не осадил дерзкого лейтенанта, но и одобрительно усмехнулся на его замечание.

— В таком случае, перейдем к делу. Господин советник, объясните, пожалуйста, нашим

друзьям, почему сегодня их заставили так долго ждать встречи со мной.

Призрак, который до сих пор незаметно присутствовал в кабинете, сделал усилие и принял более оформленный вид:

— Нам удалось выяснить, почему погиб преемник императора, — прошелестел он. — Он умер от испуга. Вы ничего не можете об этом рассказать, Сарх?

Я на секунду оторопел от изумления. Сначала мне в голову пришли мысли о том, что меня все-таки в чем-то подозревают, и только потом дошло — ведь от меня просто ждут профессиональной консультации. А потом я с размаху хлопнул себя по лбу, даже не постеснялся окружающих — можно ведь было догадаться сразу, как только услышал про разрыв сердца.

— Есть у моих бывших сородичей такое зелье. Вызывает у выпившего его галлюцинации, причем невыносимо страшные. Жертва видит то, чего подсознательно боится больше всего в жизни. Иногда сама умирает от страха, иногда совершает самоубийство, чтобы избавиться от ужаса. Как ему удалось подsunуть преемнику эту гадость? Это зелье составляется индивидуально под конкретного разумного!

— Недавно бесследно исчез один из тех, кто обслуживал преемника. Вероятно, его убили уже некоторое время назад, а на его место пришел кто-то, кто идеально скопировал внешность и поведение убитого. И у него была возможность получить образцы тканей преемника и накормить его ядом — тоже.

— Вы полагаете, это был еще один необычный немертвый? — вежливо поинтересовалась леди Игульффрид.

— Нет, ни один немертвый не может попасть на территорию дворца, — категорично ответил призрак. — Он был жив. — Осмотрел наши скептические лица, раздраженно поморщился и уточнил:

— Ни один немертвый, кроме призрака. Но поверьте, призрак не может повлиять на вещественные предметы. И он очень точно скопировал тело убитого, простой иллюзией тут бы не обошлось, это проверяется. Маг каким-то образом замаскировался так, что подлог не смогли распознать стандартными методами. Именно поэтому вас так тщательно проверяли на входе. Это теперь станет стандартной процедурой.

— Не думаю, что убийца станет повторяться. В следующий раз он придумает что-то другое, — вставил я.

— Мы тоже так подумали. Но он сам натолкнул нас на мысль, как с ним бороться. Мы решили, что у императора тоже будет двойник. Даже несколько двойников, вероятно. Это будут хорошие двойники, их будет трудно распознать. Может быть, не такие хорошие, как сделал этот ваш сородич, но зато их будет несколько. Каждого из них будут охранять. И среди них ни одного настоящего. Это пока скорее идея, набросок плана. От вас я жду предложений, как сделать на основании этого ловушку для убийцы.

Мы задумались. В принципе, идея неплохая, для защиты. Действительно, убийца будет рассуждать, что только один из «императоров» — настоящий. И император будет в относительной безопасности. Но надеяться на то, что однажды маг совершит ошибку — глупо.

— Нет, неправильно. — Я решил снова подать голос. — Он не глупее нас и сразу догадается, что его величество скрывается под чужой личиной. Хотя... ведь этим можно воспользоваться! Кто-то, кому будут оказываться чрезмерные почести... Не слишком явные, но заметные для внимательного взгляда... Господа, я предлагаю на эту роль себя. У нас с

императором схожее телосложение, так что это не будет выглядеть странно. Да и мне не в первый раз придется играть роль подсадной утки.

— Хах, сид, я смотрю, ты в последнее время сильно рвешься на тот свет! — не удержался шеф. — И я догадываюсь, почему. Но в целом я согласен. Нужно только подумать, как сделать так, чтобы тебя и в самом деле не прикончили.

— Это очень самоотверженно с вашей стороны, — кивнул император. — Не стану вас отговаривать. Прятаться за спинами своих подданных — это в некотором роде бесчестно, но интересы империи сейчас стоят выше моего самоуважения. У меня нет преемника, который был бы в случае моей кончины готов принять трон. И подготовить его быстро я не могу, хотя уже выбрал кандидатуру. Поэтому просто постараемся максимально обезопасить вас. Тем более что это пойдет на пользу нашей легенде — если злоумышленник заметит усиленные меры безопасности вокруг вашей персоны, он окончательно уверится в том, что вы — это я.

Вот чем мне действительно нравится наш император — так это своей холодной расчетливостью. Я уже пострадал из-за нее и, вероятно, пострадаю еще не раз, но уверен, все, что он делает — он делает на благо империи. Приятно сознавать, что разумный, от которого так много зависит, настолько добросовестно относится к своим обязанностям.

— Да, решено, — продолжил монарх, — по моей личной просьбе вы отправитесь в один из лесных кланов эльфов, господа. Я как раз должен в ближайшее время нанести им визит — еще один факт в пользу нашей маленькой мистификации. Я позабочусь о том, чтобы слухи о моем визите инкогнито дошли до этого клана. Эльфы — плохие актеры, и, поскольку они будут уверены, что вы — это я, они наверняка совершат несколько ошибок. Кстати, Сарх, вы действительно должны будете выполнить мои обязанности, раз уж все так сложилось.

Я закашлялся.

— В чем они будут выражаться, ваше величество?

— О, все достаточно просто. Мне пришло время связать себя узами брака. Самая вероятная кандидатура — дочь патриарха этого клана. Считайте, что это будут смотрины. Вы должны будете сопроводить невесту в столицу. Официальная причина, почему это сделаете вы, а не я — моя чрезвычайная занятость. А у вас уже есть опыт сопровождения высокородных леди.

Император с любопытством понаблюдал, как я раскрываю и закрываю рот, пытаясь что-то сказать, обвел взглядом остальных участников дискуссии, которые тоже не смогли сохранить невозмутимый вид, и посетовал:

— Ну, что вы так удивляетесь, господа! Это же действительно будет весело! Такой в некотором роде маскарад наоборот. Представьте, какие лица будут у моей невесты и ее сопровождающих, когда выяснится, что их вовсе не обманывали и господин Сарх — это действительно господин Сарх.

Я в этой ситуации не видел решительно ничего веселого, но посчитал, что сообщать об этом императору не стоит. Однако я все же не удержался от другого замечания:

— А я думал, в империи монарх сохраняет обет безбрачия. Власть же не наследуется.

— О, императорский пост — это и так серьезное бремя, было бы обидно, если бы императоры были лишены даже такой радости жизни, как семейное счастье. — Кротко улыбнулся император. — И потом, было бы глупо из-за того, что у нас такая необычная система престолонаследия, отказываться от такого замечательного способа решения некоторых политических вопросов, как брак, вы не находите? Семья, которой удастся породниться с императором, до его смерти получает серьезные преимущества, что

способствует ее усилению. А нам сейчас очень выгодно, чтобы семья Арнборн немного усилилась.

Я, молча, кивнул. Да уж, первая часть ответа императора меня очень удивила, но дальнейшие объяснения все поставили на свои места. Приятно сознавать, что ты не ошибся.

— Что ж, если все вопросы выяснены, я думаю, вы можете быть на сегодня свободны. Больше мы до вашего возвращения не увидимся. А может статься, мы не увидимся и дольше — до тех пор, пока не будет ликвидирована опасность для меня. Впрочем, я питаю надежды, что вам все-таки удастся обмануть диверсанта и задержать его. Было бы очень желательно, чтобы вы сохранили ему жизнь, но приказа такого я вам отдавать не буду, такой приказ может слишком сильно усложнить вашу задачу.

— Простите, господин император, — вмешался гоблин. — А что будете делать вы?

— Ах да, что буду делать я... Как-то мы этот вопрос не обдумали, — покивал головой император.

— Мой мальчик, а почему бы тебе не отдохнуть? — вмешался призрак. — На твоём месте я бы не пренебрегал такой возможностью.

— Что вы имеете в виду, советник? — теперь пришло время удивляться уже самому императору.

— Как насчет того, чтобы все это время проспать? Маги могут погрузить вас в сон, мало отличимый от смерти. Вы станете практически неуязвимы, вас будет невозможно найти никакими магическими средствами. Даже боги не смогут, если вдруг им придет в голову такая идея.

— Правда? Наши маги такое могут? Не знал такой подробности. Я согласен, но мне такой долгий сон не кажется таким уж замечательным отдыхом.

— Я и сам бы не подумал о таком, если бы мне в свое время не пришлось прибегнуть к этому же средству. И поверь, мой мальчик — это действительно чудесный отдых. Ты ведь можешь сам выбирать, что тебе будет сниться, — призрак так мечтательно улыбнулся, что всем немедленно стало завидно.

— Вы меня удивили, советник. Так и поступим. С текущими делами, думаю, вы справитесь без меня. Надеюсь, теперь все вопросы решены?

Мы поклонились и развернулись, чтобы покинуть комнату. Я заметил, что Оттиль о чем-то усиленно сигнализировал сюзерену.

— Ах да, еще одно, — остановил нас император: — Я рекомендую леди Игульффрид остаться в столице. Ваше сыскное агентство вновь окажется закрытым, а это плохо для дела. Хотя решение принимать вам, капитан.

— И я полностью с вами согласен, — сориентировался шеф. — Я и так собирался отдать стажерке такой приказ.

— Ваше величество! — возмущенно воскликнула барышня. — При всем моем уважении, я решительно отказываюсь этот приказ выполнять. Дедушка, вы мне обещали не вмешиваться! Вы сами предложили мне эту службу! Вы, ваше величество, сами только что утвердили мое звание стажера тайной стражи. Почему вы раздаете такие рекомендации вашему офицеру? Я откажусь его выполнять, потому что это противоречит законам чести, принятым как в семье моего отца, так и в семье матушки! Да, в конце концов, нам противостоит опытный и очень опасный маг, а ни один из моих старших товарищей не владеет магическими силами!

— Девчонка! Ты как с императором разговариваешь! — возмутился Оттиль. — Позор на

мои седины!

— И я бы на вашем месте не оскорблял ваших старших товарищей недоверием. До сих пор в сражениях с магами они побеждали. И мне очень не нравятся ваше неподчинение приказу. Я ведь могу и сам отдать такой приказ, без всяких рекомендаций, как прямой начальник господина капитана. Вы и мой приказ проигнорируете?

Девушка стусевалась, но, упрямо поджав губы, покачала головой:

— Я не верю, что вы, ваше величество, будете настолько жестоки к своей подданной. Я не могу не подчиниться вашему приказу, но после этого буду вынуждена подать в отставку и отказаться быть дочерью родов своего отца и своей матери.

Император переглянулся с Оттилем, который опустил плечи и, похоже, сдался.

— Вы уже не первый раз шантажируете нас этим, леди. Хорошо, Огрунхай, решайте сами. Если вы считаете, что леди Игульффрид не будет вам полезна, можете настоять на своем приказе. А вы, леди, запомните — в следующий раз я, возможно, не стану отказываться от своих слов. Если вы так не дорожите своими семьями, то, может, и им не стоит вами дорожить?

— Я беру свои слова назад, — угрюмо проворчал шеф. — Не хотелось бы послужить причиной отлучения от семьи. Да и, будем говорить откровенно, девчонка действительно неплохая ведьма.

— Что ж, леди, вы добились своего. Но помните мои слова. Я надеюсь, вы понимаете, какую ответственность вы на себя возложили. Господа, сегодняшней день у вас на то, чтобы попрощаться с близкими. Кто знает, удастся ли вам вернуться? Завтра вы получите указания и приступите к сборам. Надеюсь увидеть всех вас по окончании вашего путешествия.

Когда мы вышли за ворота императорской резиденции, Ханьга задумчиво пробормотал:

— Первый раз видел императора таким растерянным. И таким злым. Вы очень бесстрашны, леди Игульффрид. Не хотел бы я быть на вашем месте.

— Господа, скажите честно, вы ведь понимаете, что я действительно буду вам полезна в походе?

— Если бы мы считали иначе, ты бы осталась здесь, несмотря ни на какие истерики, дерзкая девчонка, — проворчал шеф.

— Но перед дедушкой вам сегодня придется долго извиняться, — добавил я.

Ведьма только печально вздохнула.

Мои коллеги разбрелись по своим родным, мудро решив последовать совету императора. Мне прощаться было не с кем (я решил, что могу обойтись без официального прощального визита в приемную семью, даже если это не совсем соответствует правилам), и потому я отправился поболтать со Свенсоном. И потом, должен же кто-то сообщить ему, что мы отбываем на какое-то время? Как-никак он тоже наш коллега, хоть и нештатный.

[Купить полную версию книги](#)